

Из истории якобинской диктатуры:
труды межвуз. науч. конференции.
Одесса. МСМЛXII (1962) (Одесса. МСМЛXII (1962))

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2004

Николай Иосифович Чупрун

СЕН-ЖЮСТ И ВАНТОЗСКИЕ ДЕКРЕТЫ

Среди наиболее выдающихся деятелей якобинской революционно-демократической диктатуры почетное место принадлежит Луи Антуану Сен-Жюсту.

Ибо он относился к тем передовым представителям революционной буржуазной демократии, которые не боялись идти в революции вместе с народными массами далеко вперед, не отшатывались от «низов», не только руководили ими, но и учились у них. К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая исторически неизбежную классовую ограниченность во взглядах и действиях Сен-Жюста и других великих буржуазных революционеров XVIII в., с величайшим уважением относились к его имени. Значительный интерес для историков якобинской диктатуры представляет единство уравнительных идей во взглядах Сен-Жюста и в его практической деятельности. Изучение попытки частичного осуществления эгалитарных идей якобинцев в вантозских декретах поможет выяснению характера социально-экономической политики революционного правительства, ее противоречивости и ограниченности, ускоривших наряду с другими факторами падение якобинской диктатуры, и опровергнет ошибки и искажения в истории этого вопроса.

Хотя советская историография внесла большой вклад в разработку различных сторон истории Французской буржуазной революции 1789—1794 гг., однако проблема вантозских декретов еще не подвергалась в ней углубленной разработке.

В своих первых работах советские историки явно недооценивали роль Сен-Жюста как теоретика якобинизма¹. Они склонны были рассматривать вантозские декреты всего лишь как тактическую меру робеспьеристов в их борьбе с эбертистами. Несмотря на то, что впоследствии К. П. Добролюбов

¹ См. Я. М. Захер, Сен-Жюст (Жизнь—деятельность—идеология), Пг., 1922.

ский², П. П. Щеголев³ и Е. З. Серебрянская⁴ подчеркивали эгалитаризм вантозских декретов, в коллективном труде «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», изданном в 1941 г., в разделе, написанном С. В. Фрязиновым, вантозские декреты вновь рассматриваются как преимущественно тактический шаг робеспьеристов в ходе их борьбы с эбертистами⁵. Эта же точка зрения, будучи отвергнута А. З. Манфредом⁶, повторяется в некоторых общих работах.

Мстительная ложь и злобные вымыслы реакционных буржуазных историков, унаследовавших всю ненависть термидорианцев к якобинцам, вот уже многие десятилетия искажают подлинный облик якобинцев и Сен-Жюста. Нет нужды всерьез опровергать злобные нападки на Сен-Жюста термидорианца Дез-Эссара⁷ или полемизировать с Эдуардом Флери, автором первой крупной монографии о Сен-Жюсте, изображавшим последнего «великим преступником», «деспотом, самодержцем», человеком, который якобы «никогда не был республиканцем»⁸. Полная несостоятельность подобных клеветнических измышлений давно уже очевидна.

В то же время бесполезно было бы искать научного освещения социально-экономических и политических взглядов Сен-Жюста в работах преклонявшегося перед робеспьеристами Амеля⁹ или основателя буржуазно-либеральной школы А. Олара, видевшего в экономических мероприятиях робеспьеристов «своего рода социализм»¹⁰.

В написанном с либерально-буржуазных позиций первом на русском языке очерке о Сен-Жюсте Н. Мирович¹¹, также

² К. П. Добролюбовский, Экономическая политика термидорианской реакции, М., 1930, стр. 61, 248; Он же, Термидор, Одесса, 1949, стр. 10.

³ Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, Вступит статья П. П. Щеголева.

⁴ К. Серебрянская, Взгляды Сен-Жюста в их связи с философией XVIII века, Труды МИФЛИ, т. 6, 1940.

⁵ Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле, М., 1941, стр. 432.

⁶ А. З. Манфред, Великая Французская буржуазная революция XVIII века, М., 1956, стр. 241—244.

⁷ Г. Дез-Эссар, Злодеяния Робеспьера и главных его сообщников Марата, Кутона, Сен-Жюста и прочих, часть I—IV, СПб., 1802.

⁸ E. d. Fleury, Etudes révolutionnaires. Saint-Just et la Terreur, t. I, II, Paris, 1852.

⁹ E. Hamel, Histoire de Saint-Just député à la Convention National, Paris, 1859.

¹⁰ А. Олар, Политическая история Французской революции, М., 1938, стр. 555.

¹¹ Н. Мирович, Сен-Жюст, «Историческое обозрение», 1894, т. VII, стр. 1—28. В 1906 г. очерк был переиздан отдельной брошюрой. См. Н. Мирович, Очерки из истории Великой Французской революции. Сен-Жюст, М., 1906. Н. Мирович — псевдоним Настоящее имя автора — З. С. Иванова.

полагая, что «в основе государственного идеала Сен Жюста проглядывает даже коммунистический принцип», характеризует, очевидно, именно поэтому «политическую доктрину» Сен Жюста как «бред расstroенной фантазии»¹

Социальная история революции в прошлом изучалась, главным образом историками социал-реформистского, буржуазно-радикального и анархистского направления, не сумевшими понять классовую природу якобинцев и характера их политики. Ж. Жорес, уделивший в своей работе немало внимания рассмотрению социально-экономических идей революции, оценивает уравнилельные идеи Сен Жюста и предложенные им вантозские декреты как «терроризм с оттенком социализма»¹. Он видел в них грандиозную программу, осуществление которой давало революционному народу громадные завоевания. «Это значило дать собственности новое правовое обоснование. Это значило создать определенную собственность, которую могли получить все граждане принимавшие активное участие в политической и национальной борьбе. Это значило провозгласить революцию гражданского состояния — аналогичную и созвучную другой революции»¹⁴. При этом Жорес считал, что выступая с проектом осуществления вантозских декретов робеспьеристы и Сен Жюст заранее решили разгромить эбертистов.

А. Матьез привлекшии внимание исследователей к социально-экономическим взглядам робеспьеристов и в частности к вантозским декретам, во многом соглашаясь с Жоресом, явно переоценивал последние. Матьез пытался доказать, что вантозские декреты были центральным моментом социально-экономической политики робеспьеристов накануне 9 термидора, считая их «завещанием робеспьеристов»¹. Давая вантозским декретам мелкобуржуазную оценку, А. Матьез видел в них осуществление робеспьеристами целостной социальной программы, по своему размаху далеко превосходившую программу эбертистов. А. Матьез ошибочно утверждал, что «вантозские декреты связывают робеспьеристов с бабувистами, которые были их прямыми наследниками и продолжателями»¹, что программа равных (т. е. бабувистов — Н. Ч.) уже содержалась в зародыше в вантозских декретах»¹⁷.

¹ Н. Миронин. Очерки из истории Великой Французской революции. Сен Жюст, стр. 15.

¹³ Ж. Жорес. Конспект. Харьков, 1932, стр. 347.

¹⁴ Там же, стр. 348.

¹⁵ A. Mathiez, La terreur instrument de la politique sociale de robespierristes. Les décrets de ventôse sur le séquestre des biens des suspects et leur application. „Annales historiques de la Révolution française“, 1928, t. V, p. p. 193—219, перепечатано в книге A. Mathiez, Girondins et Montagnards, Paris, 1930, p. p. 109—138.

¹⁶ A. Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 112.

¹⁷ Ibidem, p. 138.

Идя по стопам А. Матьеза Р. Шнерб дал в то же время в своих работах ценный конкретный материал по истории подготовки к осуществлению вантозских декретов в департаменте Пюи-де-Дом¹⁸.

Значительное влияние буржуазно-радикального направления во французской историографии ощущается в монографии о Сен Жюсте американского историка Кэртиса.

В исторической литературе высказывались мнения об утопическом характере и полной неосуществимости на практике¹⁹ уравнилельных идей и планов Сен-Жюста, но при этом упускалось из виду объективное историческое значение уравнилельных требований бедноты в эпоху буржуазных революций.

Были вновь сделаны попытки рассматривать Сен Жюста как прямого идейного предшественника утопических социалистов. Так, Дерокль утверждал, что Сен Жюст «стоял в колыбели социалистической мысли» и что «в той мере, в какой можно говорить о том, что утопический социализм подготовил социализм, научный, можно говорить о том, что Сен Жюст является предшественником Сен-Симона, Фурье и других социалистов-утопистов»¹. Здесь Дерокль упускает из виду, что для утопического социализма, не говоря уже о научном социализме, характерно стремление к обобществлению средств производства, стремление, абсолютно чуждое Сен Жюсту и другим подобным ему творцам мелкобуржуазных уравнилельных утопий XVIII века.

Из современных прогрессивных буржуазных историков особенно много внимания изучению социально-экономической истории Французской буржуазной революции уделил Жорж Лефевр. Именно этот исследователь впервые поставил вантозские декреты в связь со всем предыдущим аграрным законодательством революции и прежде всего, с продажей национальных земель, рассматривая их как меру, свидетельствующую о переходе робеспьеристов и, прежде всего, автора вантозских декретов Сен Жюста, к новой аграрной политике. Вместе с тем изучение вантозских декретов Лефевр ста-

¹⁸ R. Schnerb, Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy de Dôme. Annales historiques de la Révolution française, 1934, t. XI, p. p. 403—434. R. Schnerb, L'Application des Décrets de Ventôse dans le District de Thiers (département du Puy de Dôme). Annales historiques de la Révolution française, 1929, t. VI, p. p. 24—33. R. Schnerb, Le Club des Jacobins de Thiers et l'application des lois de ventôse. Annales historiques de la Révolution française, 1929, p. p. 287—288.

¹⁹ N. Curtis, Saint Just, colleague of Robespierre, N. Y., 1935.

²⁰ S. B. Kritschewsky, J. J. Rousseau und Saint Just ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der sozialpolitischen Ideen der Montagnards, Berne, 1895.

²¹ P. Derocles, Saint Just, ses idées politiques et sociales, Paris, 1937, p. p. 152—158.

вит в связь с разгромом эбертистов. В виду того, что эти декреты так никогда и не применялись, можно задать себе вопрос, — пишет Лефевр, — не имеем ли мы дело с чисто-политическим маневром, не нашли ли нужным Комитеты и Конвент, для того, чтобы привлечь на свою сторону санкулотов и побудить их покинуть своих вождя, дать им обещание, сдержать которое они отнюдь не собирались. Что тут был маневр — в этом трудно сомневаться»²² Предостерегая против преувеличения значения вантозских декретов, Лефевр подчеркивает нарочитую туманность основных положений вантозских декретов, в том числе понятия о «неимущих» (indigents), объясняя расплывчатость формулировок противодействием, которое встретила декреты в Конвенте и в правительственных Комитетах

Документальной базой для изучения взглядов и деятельности Сен-Жюста служат многочисленные публикации его произведений, речей, переписки, записных книжек, постановлений, фрагментов записок и других материалов. Начало этому большому делу положил еще в начале XX в. Шарль Веллэ, опубликовав двухтомное собрание сочинений Сен-Жюста²⁴. Продолжая дальнейшие поиски, Ш. Веллэ публикует затем ряд документов во французских исторических журналах

О сохранившемся значительном интересе к Сен-Жюсту свидетельствует появление после второй мировой войны ряда сборников его речей с предисловиями и заметками Ж. Гошера²⁴, Ж. Гратьена²⁵, Ш. Веллэ²⁶, А. Кальве²⁷ и др. Но особое место в этом отношении принадлежит публикациям с содержательными вступительными статьями и комментариями, а также исследованиям видного французского историка коммуниста Альбера Собуля, опубликовавшего рукопись неизвестного ранее произведения Сен-Жюста, рукопись «Республиканских установлений» и бумаги Сен-Жюста периода его пребывания в Рейнской армии²⁸. Однако опубликованные ис-

²² Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 28

²³ Saint-Just, Oeuvres complètes, avec une introduction et des notes par Charles Vellay, Paris, 1908, t. I, II

²⁴ Le gouvernement révolutionnaire jusqu'à la paix. Introduction et notes de Jacques Gaucheron, Paris, 1946

²⁵ Saint-Just, Oeuvres. Introduction de Jean Gratiot, Paris 1946

²⁶ Saint-Just, Théoricien de la révolution. Introduction, notes et choix de textes par Ch. Vellay, 1946, p. 276

²⁷ Saint-Just. Preface et commentaires par H. Calvet, Monaco, 1950.

²⁸ A. Soboul, Les Institutions républicaines de Saint-Just d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale, „Annales historiques de la Révolution française“ 1948, N III, pp. 193—262, A. Soboul, Un manuscrit inédit de Saint-Just De la Nature, de l'Etat civil, de la Cité, ou les Règles de l'indépendance du Gouvernement, „Annales historiques de la Révolution française“, 1951, № 124, pp. 321—359, A. Soboul, Sur la mission de Saint

точные изучены далеко не полностью в целях освещения уравнилельных идей Сен-Жюста и установления реальных идейных, социальных и политических истоков и аспектов вантозских декретов и роли Сен-Жюста в их подготовке. Понимательную попытку подойти к разрешению этой важной задачи и представляет собой данная работа

Формирование и эволюция политических и социальных взглядов Сен-Жюста в 1789—1793 гг.

Французская революционная буржуазия в своей борьбе со старым феодальным строем, стремясь обосновать законность своей победы, увековечить свое господство, свои права на власть и собственность, опираясь на достижения предшествующей философской и политической мысли, провозглашает в ряде программных документов революции свободу и равенство естественными, неотчуждаемыми и вечными правами человека. Выступая во главе всего политически несправедливого третьего сословия, во главе народных масс, буржуазия тем не менее объективно боролась прежде всего за свои собственные классовые интересы. Не случайно важнейшим среди этих «естественных» прав было для нее «неприкосновенное и священное» право собственности, которое, по словам К. Маркса, представляет собой в ее понимании «право по своему усмотрению (à son gré), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им, оно — право своекорыстия»²⁹

Вопрос о собственности в XVII и XVIII столетиях, когда речь шла об упразднении феодальных отношений собственности, был жизненным вопросом буржуазии. Его постановка «сводилась к тому, чтобы дать простор свободе конкуренции и уничтожить все феодальные отношения собственности феодальной земельной собственности, цехи, монополии и т. д., которые превратились в оковы для развившейся в течение XVI—XVIII веков промышленности»³⁰.

В своей борьбе с феодалами и церковью буржуазия исключила из числа естественных и неотчуждаемых прав феодальную и церковную собственность, прибавив ее к своим рв-

Just à l'armée du Rhin (Brumaire an 11), „Annales historiques de la Révolution française“ 1954; A. Soboul, Notes inédites de Saint-Just, „Ann. hist. de la Révolution française“, 1949, № 116, pp. 289—293; Saint-Just, Discours et rapports, Introduction et notes par A. Soboul, Paris, 1957

В настоящее время статья А. Собуля, «О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию» и публикации его переписки этого периода имеются в русском переводе (см. А. Собуль Из истории великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции, М., 1960, стр. 155—172 и 287—371).

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 401

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 302

кам, хотя это и входило в противоречие с принципом неприкосновенности частной собственности. В процессе развития революции, в борьбе с ее внутренними и внешними врагами, испытывая на себе всю тяжесть лишений, все больше осознавая свои классовые интересы и ограниченность их удовлетворения, плебейские массы, являвшиеся основной движущей силой революции, начинают требовать во имя интересов революции и ее защитников конфискации имущества дворян-эмигрантов, спекулянтов, врагов народа — «подозрительных» и вообще богатых, тем самым внося коррективы в понятие о правах человека и гражданина, по-своему толкуя принцип равенства. И если, в первые годы революции борьба бедных против богатых находится лишь в зачаточном состоянии, то в период якобинской диктатуры она получит значительный размах.

Практический опыт этой революционной борьбы оказывает огромное влияние на эволюцию взглядов многих видных представителей буржуазной демократии. При этом некоторые из них становятся все более и более открыто защитниками интересов крупной буржуазии, другие, сближаясь с беднотой и глубже вникая в ее нужды и чаяния, отходят от своих прежних взглядов на равенство и собственность и все больше становятся на защиту интересов неимущих.

Именно такова была обусловленная опытом революционной борьбы масс эволюция взглядов одного из виднейших якобинцев Луи Антуана Сен-Жюста.

В своем первом значительном произведении «Дух революции и конституции Франции»³¹, изданном в начале 1791 г., Сен-Жюст полностью разделяет принципы, провозглашенные «Декларацией прав человека и гражданина». Он стремится философски обосновать необходимость и правомерность во Франции конституционной монархии, хотя в предлагаемой им схеме государственного устройства народ находится на самой высшей ступени: он свободен и наделен верховной властью. Конституционно-монархические взгляды Сен-Жюста этого периода не должны вызывать удивления. В это время аналогичную позицию занимали и Марат, и Робеспьер, и Дантон. Никто иной, как Марат писал тогда, что «прекрасная душа» Людовика XVI «не знает преступлений» и считал необходимым «строгим установлением границ королевской власти» создать для него «счастлившую необходимость быть мудрым, справедливым и добрым»³². А Робеспьер в своем «Адресе к французам» утверждал, что «нация может быть свободной и с

монархом... республика и монархия не являются несовместимыми»³³.

Но если многие якобинцы и, в особенности, Робеспьер и Марат уже в это время являлись сторонниками всеобщего избирательного права и решительно возражали против установленного конституцией 1791 г. разделения граждан на «активных» и «пассивных», то Сен-Жюст по существу поддерживает имущественный ценз. Он пишет, что «все одинаково участвуют в суверенитете через одинаковые условия палата, который определяет избирательное право: неравенство только в управлении; все могут избирать, но не все могут быть избранными... Если бы налог не определял способа занятия должностей, конституция была бы простонародной и анархической (populaire et anarchique), при высоком и единственном налоговом цензе аристократия выродилась бы в тиранию, законодатели должны принять середину»³⁴. Неимущие, не платящие налогов и лишённые избирательных прав — вследствие имущественного ценза «пользуются социальными правами естественного равенства, безопасности и правосудия»³⁵. «Дух равенства, — отмечает он, — состоит в том, чтобы каждая личность составляла равную часть суверена»³⁶.

Таким образом, Сен-Жюст в этот период выступает еще только за равенство всех граждан перед законом, но отрицательно относится к установлению имущественного равенства. «Естественное равенство, учрежденное Ликургом, который разделил земли, выдавая замуж девиц без приданого, приказал всем публично кушать, носить одинаковую одежду, — такое относительное равенство привело бы Францию к мятежу и лени; только равенство политических прав было разумным в этом государстве»³⁷.

Но не только в вопросе об избирательном праве Сен-Жюст расходится с передовыми представителями буржуазной демократии. Это расхождение ясно выступает и в его отношении к вопросу о дальнейшем развитии революции.

В конце 1790 — начале 1791 г., когда народные массы ведут борьбу против половинчатых законов Учредительного собрания, за дальнейшее углубление революции, Сен-Жюст отрицает необходимость этой борьбы. Раз революция установила мудрые законы и они свойственны размерам государства, следовательно, не нужно стремиться к ее продолжению»³⁸.

³¹ Robespierre, Oeuvres t II, p 70

³⁴ Saint-Just, Oeuvres complètes, t I, p p 271, 272.

³⁵ Ibidem, p 272

³⁶ Ibidem, p 267

³⁷ Ibidem, p 266

³⁸ Ibidem, p. 264

³¹ Esprit de la Revolution et de la Constitution de France Saint-Just, Oeuvres complètes, t I, Paris, 1908, p.p. 250—345

³² Ж. П. Марат, Памфлеты, М.-Л., 1934, стр. 250—252

'Сен-Жюст высказывается, таким образом, за окончание революции

Мы знаем, что за окончание революции весной и летом 1791 г энергично боролось буржуазно-монархическое большинство Учредительного собрания, боявшееся, что следующим шагом на пути углубления революции будет покушение на буржуазную собственность. Представитель умеренной, либеральной, конституционно монархической буржуазии Барнав еще в марте 1791 г. предлагал ограничить народное движение «мирными и законными петициями»³⁹, а в июле 1791 г. открыто призывает остановить революцию, так как она достигла нужного предела.

Однако, из этого отнюдь не следует, что Сен-Жюст являлся в это время выразителем интересов феодальной буржуазии. При оценке его политических взглядов этого периода необходимо учитывать соотношение сил в стране, существовавшее на первом этапе революции (1789—1792 гг.), когда ведущая роль в Учредительном и Законодательном собраниях принадлежала конституционно-монархическому большинству, а парижским Якобинским клубом руководили «друзья конституции» — представители верхов буржуазии и либерального дворянства — Барнав, Лафайет, герцог д'Эгинон, виконт де Ноайль, герцог Брольи и др., когда парижское Общество друзей конституции (Якобинский клуб) призывало «присоединившиеся» к нему общества в провинции вести пропаганду в пользу конституционно-монархической власти, как якобы «учрежденной для блага народа»⁴¹.

В обстановке развивавшейся классовой борьбы первых лет революции и под ее влиянием протекает процесс формирования взглядов Сен-Жюста. Он наблюдает борьбу народных масс, стремящихся разрушить до основания феодально-абсолютистский строй, против аристократии, прилагающей все усилия для спасения этого прогнившего «старого порядка». «Все время во Франции в течение этой революции, — пишет Сен-Жюст, — существовали две упорно стоявшие на своем партии партия народа и партия монарха, которая, желая возвыситься над всеми, меньше заботилась о своей собственной славе, чем о своем имуществе. Среди этих интересов я искал самого себя.»⁴¹

Следовательно, далеко не сразу Сен-Жюст увидел классовые различия и противоречия внутри неоднородного третьье-

³⁹ Французская буржуазная революция 1789—1794 гг., под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле, М., 1941, стр. 87.

⁴⁰ A. Aulard, La Société des Jacobins. Recueil des documents, t II, Paris, 1897, p 186.

⁴¹ Saint-Just, Oeuvres complètes t I, p 349.

го сословия, он поддерживает «партию народа» в целом и с этих позиций и рассматривает события 1789—1792 гг.⁴²

Развитие республиканского движения в дни кризиса лета 1791 г. и репрессивные меры против него со стороны Учредительного собрания привели к размежеванию политических сил, оказавшему большое влияние на все последующее развитие революции. Ранее относительно единое бывшее третье сословие, теперь раскололось на две части — на крупную буржуазию, считавшую революцию законченной, желавшую утвердить конституционную монархию, и демократически настроенные плебейские массы, мелкую буржуазию и крестьянство, стремившиеся к дальнейшему углублению революции.

В дальнейшем контрреволюционные интриги двора, рост внешней военной опасности приводят к еще большему расширению республиканского движения «Я страдаю республиканской лихорадкой, которая пожирает и сжигает меня»⁴³, — признается Сен-Жюст в письме к своему другу Добиньи 20 июля 1792 г. Избранный вскоре депутатом Конвента Сен-Жюст становится одним из активнейших поборников первой Французской республики. В своих речах в конце 1792 года он резко осуждает монарха и монархию как форму политической власти, бросив с трибуны Конвента крылатые слова. «Царствовать и не быть виновным нельзя!»⁴⁴. Теперь он приходит к пониманию необходимости дальнейшего углубления революции. «Скажут, что революция окончена, — говорит он, — что нечего больше бояться тирана, которого закон карает смертью узурпатора, но, граждане, тирания это тростник, который сгибается под ветром и вновь распрямляется. Что же вы называете революцией — падение престола, удары, нанесенные разным злоупотреблениям? Революция начинается, когда кончается жизнь тирана»⁴⁵.

С установлением республики принципы равенства и верховенства народа, провозглашенные в «Декларации прав человека и гражданина», в глазах народных масс превращались из теоретических положений в практическую политическую программу⁴⁶. Из них извлекались в то же время и далеко идущие социальные выводы.

Из принципа верховенства народа вытекало, что народ является сувереном не только в политическом, но и в социаль-

⁴² Этих различий среди третьего сословия не видели еще многие политические деятели, это было обычным до раскола в июле 1791 г. Так, в 1790 г. Приюдом в редактировавшейся им левон газете «Парижские революции» писал, что «во Франции существует две партии — третье сословие и бывшие привилегированные».

⁴³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t II, p 349.

⁴⁴ Там же, p 369.

⁴⁵ Там же, p 398.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 103.

ном отношении, т е что он является верховным собственником земли и всех ее богатств Идея равенства, в условиях все большего ухудшения материального положения плебейства, понималась не только как равенство политическое, она неизбежно должна была перерасти в требование социального равенства, которое понималось уравнительным образом

Известно, что пропаганду аграрно уравнительных требований вел в конце 1790 и начале 1791 г аббат Фоше в многочисленной аудитории «Федерации друзей истины», созданной «Социальным кружком» и собиравшейся в цирке Пале-Рояля. План равного раздела земли излагался в появившейся весной 1791 г книге аббата Курнана «О собственности или дело бедных, защищаемое перед трибуналом разума, справедливости и истины»

С особой силой движение плебейских масс за удовлетворение их социальных требований вспыхивает осенью 1792 г в связи с ростом дороговизны и экономической разрухи, вызванных войной и спекуляцией Плебейство требует вмешательства государства в экономическую жизнь, уничтожения свободы торговли, введения таксации предметов первой необходимости В связи с обсуждением продовольственного вопроса, который не сходит с этого времени с порядка дня, внимание ораторов в Конвенте фиксируется на проблеме собственности, ее природы, ее границ и т д

Впервые в своих выступлениях с трибуны Конвента Сен-Жюст касается социально-экономических проблем в речи о продовольственном кризисе 29 ноября 1792 г⁴⁷ По его мнению, источник продовольственного кризиса следует искать в недостатках существующей экономической системы. «Монархия погибла благодаря недостаткам своей экономической системы»⁴⁸, говорил он Свергнув монархию, следует научиться управлять народом

В сущности, возражая против введения максимума, Сен-Жюст однако не соглашается и с жирондистами, которые догматически придерживаясь экономических воззрений физиократов, считали, что торговля, промышленность, предоставленные сами себе, придут «естественно» в «нормальное» состояние, и, выступая против всякого вмешательства государства в экономические отношения, видели выход из положения

⁴⁷ Е В Тарле, ссылаясь на хранящееся в Национальном архиве (АД XVIII — с 314) отдельное издание этой речи Сен-Жюста ошибочно считал, что она была произнесена весной 1793 г (см Е В Тарле, Рабочий класс Франции в эпоху революции, часть 2, СПб, 1911, стр 288—289), так как он приводит ее в качестве документа характеризующего отношение якобинцев и Сен-Жюста к максимуму после выступления «бешеных» в феврале 1793 г Ошибка эта осталась неотмеченной и в примечаниях к Сочинениям Е В Тарле (см т II, М., 1957, стр 392 и 640—641)

⁴⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t I, p 374

в провозглашении неограниченной свободы торговли «Те, которые предлагают неограниченную свободу торговли, говорят Сен-Жюст, — изрекают великую истину, поскольку рассуждают теоретически, но ведь речь идет о страданиях революционного времени, речь идет о создании республики из народа, рассеянного посреди развалин монархии и ее преступлений»⁴⁹ Сен-Жюст предлагает поэтому ограничить свободу торговли хлебом пределами внутреннего рынка за вывоз же его за границу карать смертью По его мнению, следует издать «закон, который передавал бы свободу торговли под охрану народа, согласно с республиканским духом»

В этой речи Сен-Жюст подходит к пониманию непосредственной связи между борьбой за политические преобразования и уничтожение феодализма с необходимостью улучшения экономического положения плебейских масс, «Народ, который не является счастливым, — говорил Сен-Жюст, — не имеет родины, он ничего не любит Если вы хотите основать республику, вы должны извлечь народ из состояния нищеты и не обеспеченности, губящих его Наша свобода — дочь нищеты Нищета породила революцию, нищета же может ее погубить»⁵¹

Тем самым понятие о родине Сен-Жюст связывает с необходимостью обеспечения материального благополучия ее народных масс. Для того, чтобы народ защищал завоевания революции, нужно, чтобы он был «извлечен из нищеты» Как мы увидим, Сен-Жюст впоследствии более четко сформулирует эту мысль

Сен-Жюст призывает к скорейшему принятию Конституции, ибо именно она должна обеспечить «социальную гармо-

⁴⁹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t I, p 380

⁵⁰ Saint-Just Oeuvres, complètes t I, p 385 Сен-Жюст как и Робеспьер в этот период склонялись к идее регламентации совершенно ошибочно утверждение Луи Блана, что «требуя абсолютной свободы торговли, Сен-Жюст не считался с исключительными, революционными нуждами момента», и что, «в этом частном вопросе о продовольствии Робеспьер совершенно расходился во взглядах с Сен-Жюстом» (Луи Блан, История Французской революции 1789 г., т. VII, стр 331) Вряд ли можно согласиться и с утверждением Дерокля, смешивающего экономические воззрения Сен-Жюста с воззрениями жирондистов и полагающего, что Сен-Жюст «шел по следам либеральных экономистов конца XVIII века, провозглашая необходимость экономической свободы» (Derocle, Saint-Just, ses idées politiques et sociales Paris, 1937, p. 91—94. Эта ошибочная точка зрения, вероятно, основывалась на некоторых утверждениях самих жирондистов Так, «Le Patriote» Бриссо 30 ноября 1792 г, по поводу выступления Сен-Жюста в Конвенте, писал «Сен-Жюст излагает вопрос фундаментально и во всех его политических и нравственных аспектах он высказывает ум, горячность и философию и делает честь своему таланту, защищая свободу торговли» (цит по Е Hamel, Histoire de Saint-Just, p 133)

⁵¹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t I p p 374, 376 377

нию», невозможную как при существовании свободной торговли, так и при «стеснении собственника»

Половинчатая позиция, занятая монтаньярами в вопросе о свободе торговли дала возможность жирондистам временно отстоять интересы крупной буржуазии. 8 декабря 1792 г. Конвентом был принят декрет, провозглашавший свободу торговли и предусматривавший применение вооруженной силы против выступления с требованием установления твердых цен. Это еще больше обостряет борьбу плебейских масс за улучшение своего материального положения. Различные слои плебейства (в деревне — сельская беднота, в городе — рабочие, подмастерья и ученики, мелкие самостоятельные ремесленники и торговцы) по-своему формулируют эти требования, но общим для них является введение максимальных цен на все предметы первой необходимости, прогрессивного налога на богачей, издание суровых законов против спекулянтов. И все это в их глазах должно вести к единой цели — к ограничению и уравниванию собственности.

В январе 1793 г. жирондист Рабо Сент-Этьен предостерегает буржуазию: «Когда установлено политическое равенство, бедные скоро начинают чувствовать, что оно ослабляется неравенством имуществ, а так как равенство означает независимость, то они приходят в негодование и ожесточаются против людей, от которых они зависят в силу своих потребностей: они требуют имущественного равенства, но очень редко случается, чтобы богатые добровольно удовлетворили этому желанию. Тогда приходится добиваться этого силой или путем закона»⁵³

Рабо Сент-Этьен, избранный в это время президентом Конвента⁵⁴, арестованный впоследствии вместе с другими жирондистами, в результате народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., выступал с подобным заявлением не из-за симпатии к плебейству, а из-за боязни за интересы собственников. Его пугал именно тот первый из тех двух путей, о которых он говорил и угроза осуществления которого явно нарастала, а именно путь ликвидации имущественного неравенства при помощи силы. О росте этой угрозы свидетельствовали многочисленные выступления плебейских масс зимой 1792 г., возглавляемые предпролетарскими революционерами Жаком Ру, Варле, Леклерком и др., получившими от жирондистов прозвище «бешеных».

Обосновывая необходимость устранения имущественных

⁵² Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats fondé par J. Mavidal et E. Laurent, I série, t. 54. Paris, 1862, p. 668.

⁵³ См. А. Олар, Политическая история французской революции, М., 1938, стр. 545.

⁵⁴ Он был избран на период с 24 января по 7 февраля 1793 г. См. А. Олар, Цит. соч., стр. 393.

контрастов, Жан Варле писал в своей брошюре «Горжественная декларация прав человека в обществе» «Во всех государствах неимущие составляют большинство, а так как их свобода, безопасность и сохранение составляют блага, стоящие выше всех остальных, то их самая естественная воля и их самое неизменное право заключаются в том, чтобы *предохранить себя от гнета богатых ограничивая честолюбие приобретателя и нарушая справедливыми средствами чрезмерно непропорциональное распределение имуществ*». Так как собственность — непропорциональное право, то всякий собственник свободен располагать по своему усмотрению своим имуществом и своими доходами, какого бы рода они ни были «если только употребление, какое они делают из них не ведет к разрушению общества». Богатства, накопленные в ущерб общественному благосостоянию путем кражи, ажитажа, монополии или скупки, «становятся *национальной собственностью* с той минуты, как общество приобретает прочное фактическое доказательство хищения».

За «фактическими доказательствами того, что в основе богатства лежат «хищения» ходить далеко не приходится. Множество их было приведено идеологами буржуазии в их напаках на феодальную собственность. Многие из этих идеологов были теперь в рядах жирондистов, упорно защищавших незыблемость права буржуазной собственности. Бриссо, один из лидеров жирондистов, в своем философском исследовании по поводу права собственности и кражи в естественном и гражданском состоянии, опубликованном еще в 1780 г., писал, что право собственности ограничено и не является исключительным. Право на землю и ее продукты определяется потребностью. Но создание искусственных потребностей не может вести к расширению пределов права собственности, ограниченных необходимым. «У твоих дверей, — восклицает Бриссо, обращаясь к богачу, — сотни несчастных, умирающих от голода, — а ты, купаясь в удовольствиях, считаешь себя собственником того, чем ты владеешь. Ты ошибаешься, все это принадлежит им, так вот закон природы»⁵⁵. Именно тогда, как известно, Бриссо и выдвинул положение, повторенное впоследствии Прудоном о том, что «собственность — это кража»⁵⁷.

Социальные проблемы с каждым днем революции приобретают, таким образом, все большую остроту. Как признает Олар большинство парижских рабочих придерживалось в это время взглядов, следующим образом изложенных Эбером

⁵⁵ А. Олар, Политическая история французской революции, М., 1938, стр. 546—547. Здесь и далее — курсив наш. — // Ч.

⁵⁶ J. P. Brissot de Warville, Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol dans la nature et dans la société. Paris, 1780.

⁵⁷ См. В. П. Волгин, Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке, М., 1958, стр. 252—255.

в декабре 1792 г в № 198 его газеты «Père Duchesne» «Я не проповедую того, что умные люди называют аграрным законом, потому что согласно расчету одного знаменитого математика, если бы все земли были поделены, то каждый из нас получил бы только сорок экю дохода, а это — не сокровище Перу. Невозможно установить полное равенство имуществ, ибо если даже предположить, что у каждого из нас были бы свое поле, свой луг, сад, своя маленькая ферма, то тот, кто умел бы лучше обрабатывать землю, у кого было бы больше сил или изобретательности, тот скоро сделался бы богаче своего соседа. Итак, я не требую раздела земель, но я хочу, черт возьми, чтобы заставили раскошелиться всех этих богачей, насыщенных кровью бедняков, чтобы заставили финансистов вернуть все, что они награбили у нации, чтобы остригли когти всем этим хищным зверям, и тогда будет чем покрыть издержки войны»

Требования улучшить материальное положение бедноты, подкрепляемые многочисленными выступлениями плебейства в Париже и в провинции, посылкой делегаций в Конвент с петициями отражаются также в выступлениях с трибуны Конвента

В своей речи на заседании Конвента 27 февраля 1793 г прокурор Коммуны левый якобинец Шометт говорил: «Бедняк так же, как и богатый, и даже более чем он, принимал участие в революции. Между тем, вокруг бедняка все изменилось, только он остался в прежнем положении, революция принесла ему только право жаловаться на свою нужду

«Особенно в Париже бедняк беднее чем где либо, особенно здесь заметно огромное различие между богачами и бедняками.

И бедный, и богатый — каждое разумное существо совершает революцию только для того, чтобы стать более счастливым. Революция дала богачу свободу и свободу неограниченную, эту свободу и равенство она дала и бедняку, но, ведь, чтобы быть счастливым, надо прежде всего иметь возможность существовать, а если нет разумной пропорциональности между заработной платой и ценами на предметы первой необходимости, то бедняк не может существовать

Граждане, создайте это необходимое соответствие. Больше того, сделайте так, чтобы завоевания революции пошли на пользу бедняку, единственное средство заставить его полюбить революцию, это дать ему надежду стать со временем собственником, и, быть может, в это счастливое время революция и будет полностью завершена, только тогда бедняк перестанет смотреть на себя, как на поденщика в своем собственном отечестве»⁵⁹

⁵⁹ Ж. Жорес. Конвент. Париж 1937, стр. 121—122

Широко распространенное требование обеспечить бедняку возможность существования, выдвигаемое Шометтом, как и ранее Робеспьером⁵⁹, не являлось антибуржуазным требованием. Требование права на существование вполне уместно в рамках буржуазного общества, которое регулирует «разумные пропорции между заработной платой и ценами на предметы первой необходимости» может осуществлять вместе с тем самую жестокую эксплуатацию трудящихся. Прямую опасность буржуазии составляли требования, угрожавшие неприкосновенности собственности. Ведь именно в эти дни выступавшие под руководством «бешеных» плебейские массы Парижа требовали заставить богачей вернуть награбленное.

Тревога, вызванная в кругах крупной буржуазии угрозой нарушения неприкосновенности права собственности приводит к принятию Конвентом 18 марта 1793 г, сформулированного якобинцем Левассером (из Сарты) декрета, угрожавшего смертной казнью каждому, кто предложит «аграрный закон» или какой-либо другой закон, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность. Якобинцы поддержали этот декрет, продемонстрировав этим еще раз «буржуазно-ограниченное» содержание своих взглядов и всей своей деятельности.

Значительный интерес для выяснения взглядов Сен-Жюста, весной 1793 г, представляет опубликованная А. Собулем рукопись сочинения Сен-Жюста «О природе, гражданском состоянии, гражданской общине или правила независимого управления»⁶⁰. Сопоставление текста рукописи с речами и другими произведениями Сен-Жюста, по мнению А. Собуля, дает возможность утверждать, что это произведение было создано им между сентябрем 1792 г и апрелем 1793 г и отредактировано за один прием, в отличие от известных фрагментов «Республиканских установлений», создававшихся в несколько приемов на протяжении значительного отрезка времени⁶¹.

Рассматривая развитие общества, Сен-Жюст различает в нем гражданское состояние (l'état civil) и общественное состояние (l'état social). «Гражданское состояние в наиболее точном смысле не является отношением граждан между собой, последнее является общественным состоянием, гражданское состояние — это отношение их потребностей»⁶². В то время как общественное состояние основывается на независи-

⁵⁹ См. речь Робеспьера в Конвенте 2 декабря 1792 г. „Moniteur“ № 339, 4 XII 1792

⁶⁰ A. Soboul, Un manuscrit inédit de Saint-Just „Annales historiques de la Révolution française“ 1951, N 124, pp. 321—359. Рукопись называлась „De la nature de l'état civil de la Cité ou les Règles de l'indépendance du gouvernement“

⁶¹ Ibidem, p. 324

⁶² „Annales historiques de la Révolution française“ 1951, N 124, p. 340

мости, гражданское состояние, по мнению Сен-Жюста, «чтобы общество не превратилось в тиранию, должно основываться на равенстве»⁶³.

К вопросу о природе собственности и ее правовом положении Сен-Жюст подходит с позиций признания суверенитета народа «народ является сувереном он суверенен в поддержании своей собственности и своего обладания»⁶⁴. При этом Сен-Жюст различает полную, ничем не ограниченную собственность (*Propriété*) и обладание (*possession*), как право пользования, которое определяется гражданскими законами⁶⁵. Право обладания, по его мнению, имеет естественное происхождение. «Правом первого обладателя поля был его плуг, правом его детей — его обладание»⁶⁶. Поэтому это право неприкосновенно. Обладателя нельзя лишить его обладания силой. В государстве истинно социальном суверен не может захватить силой «находящееся в обладании поле». Не могут претендовать на это и частные лица «Тот, кто имел бы меньше, не мог бы потребовать у того, кто имел больше, потому что обладание неприкосновенно (*inviolable*), потому что иначе пришлось бы проводить разделы каждый год и эти перемены при разделах земель погубили бы их плодородие»⁶⁷.

Это полностью согласуется с принципами «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., которая относила собственность к числу «естественных и неотъемлемых прав человека», осуществление которых не имеет других границ, кроме тех, которые обеспечивают другим членам общества пользование такими же правами. Эти границы могут быть определены только законом. Провозглашая право собственности «ненарушаемым», эта декларация устанавливала, что лишение кого-либо собственности может иметь место лишь в случаях признанной законом «общественной необходимости», при обязательном условии «справедливого и предварительного возмещения»⁶⁸.

Полностью отстаивая «ненарушаемость» собственности Сен-Жюст высказывается и против, «аграрного закона», против насильственного передела земельных владений. Характерно, что для него в это время еще «богатство вовсе не порождает неравенство». Лишь продолжительный путь практической борьбы приведет позже его к выводу, что «богатство — позор». А пока он заявляет: «Богатство вовсе не порождает неравенство. Равенство вовсе не связано с положением в об-

ществе (*qualité*), но заключается в безопасности собственности и обладаний. Римский народ не издавал закона о равенстве когда он делил поля, он нарушил право запашки или обладания, и это был закон завоевания, отменивший общественную связь. Цицерон, говоря об аграрных законах, очень хорошо сказал, что гражданская община (*cité*) — установлена только «для защиты владения»⁶⁹.

Но, отправляясь от принципов «Декларации прав» 1789 г., Сен-Жюст пытается делать новые выводы. Раз право обладания может регулироваться законами, то эти же законы могут и установить определенные размеры земельных владений, их максимум и минимум. «Только установление максимума земельных владений было бы в интересах населения, излишек сверх этого максимума должен быть пущен в продажу. Нельзя было бы отказывать в продаже тем, кто явился для покупки, таким образом, каждый отдельный человек мог бы стать обладателем и иметь Родину»⁷⁰. «Обладание своим полем было связью гражданской общины. Минимум владения не мог бы быть продаваем ни кредитором, ни обладателем»⁷¹.

Какой же должен быть размер максимума земельных владений? Указание на это мы находим в сохранившихся фрагментах «Республиканских установлений», где Сен-Жюст прямо пишет: «Никто не может обрабатывать более 300 арпанов земли»⁷². Тем самым он заботится об интересах средних и мелких собственников-земледельцев. По его мнению, в государстве истинно социальном профессия земледельца «была бы первой, потому что она является узлом, привязывающим к земельным владениям, которые составляют полную собственность (*Propriété*) и основу (*gamasse*) суверена»⁷³.

В это время плебейские массы и многие политические деятели, выражавшие в той или иной мере их интересы из принципов «Декларации» делали гораздо дальше идущие выводы

⁶³ «Annales historiques de la Revolution française», 1951, № 124, p. 341

⁶⁴ Ibidem, p. 353.

⁶⁵ Ibidem

⁷² A. Soboul, «Les institutions republicaines» de Saint-Just d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale «Annales historiques de la Revolution française», 1948, № III, p. 237. Как сообщает Ж. Лефевр, центральный комитет народного общества в Лизи (*Lizy*) в своем докладе от 26 марта 1794 г. (6 жерминаля II г.) о способе поднять земледелие, наряду с другими мерами предлагал уничтожить слишком крупные хозяйства, среди которых указываются крупные фермы от 300 — 400 арпанов до 900 арпанов и выше. В докладе выдвигалось требование запретить арендовать или эксплуатировать по несколько ферм. «Если эксплуатируемая земля состоит из частей, принадлежащих к разным именам, она не должна превышать 300 арпанов». Излишек должен быть сдан в аренду землевладельцам, не имеющим указанного максимума. См. Ж. Лефевр, «Аграрный вопрос в эпоху террора», Л., 1936, стр. 187—188. (В Лизи 300 арпанов составляли 106,38 гектара)

⁷³ «Annales historiques de la Revolution française», 1951, № 124, p. 353.

⁶ Ibidem.

⁶¹ Ibidem, p. 338.

⁶² Ibidem, p. 344.

⁶³ Ibidem, p. 352.

⁶⁴ «Annales historiques de la Revolution française» 1951, № 124, p. 353

⁶⁵ Duvergier Collection complete des lois et des décrets de 1788 à 1824, t. III, Paris, 1825, p. 275

В своем проекте конституции Сен-Жюст заботливо унавивляет юридические инстанции для рассмотрения «правонарушений по отношению к собственности»⁷⁴. Напомним, что Робеспьер при обсуждении вопроса о конституции в своей речи в Конвенте 24 апреля 1793 г., желая дополнить «теорию собственности», также резко обрушивается и на богачей и на сторонников «аграрного закона»: «Грязные души, уважающие только золото, я не хочу трогать ваших сокровищ, из каких бы нечистых источников они не происходили. Вы должны знать, что тот аграрный закон, о котором вы столько говорили, является лишь призраком, выдуманным плутами для устрашения глупцов». И далее Робеспьер так формулирует свое отношение к собственности: «чрезвычайная неравномерность в распределении богатств является источником многих бедствий и преступлений; но это нисколько не уменьшает нашего твердого убеждения в том, что равенство имуществ — неосуществимая фантазия... Гораздо важнее заставить уважать бедность, чем уничтожить богатство»⁷⁵. В отличие от идеологов крупной буржуазии Робеспьер не признает собственность «естественным» правом человека, считая ее «только социальным установлением». Но, как и Сен-Жюст, он обращает внимание на необходимость определения ее границ. Критикуя жирондистский проект Декларации, Робеспьер упрекает жирондистов в игнорировании этих границ: «Вы увеличили число статей с целью обеспечить неограниченную свободу пользования правом собственности; но вы не сказали ни слова, о том, как определить сущность этого права и его законные границы; поэтому ваша декларация, по-видимому, издается не для всех людей, а только для богачей, скупщиков тиранов и спекулянтов»⁷⁶.

Утверждая право собственности за каждым человеком Робеспьер в то же время вводит два ограничения этого права в виде обязанности уважать чужие права и отсутствия ущерба для других людей. Нарушения этих принципов в процессе осуществления права собственности Робеспьер объявляет незаконными и безнравственными, связывая, таким образом, уже в этот период право собственности с нравственными началами. Исключая собственность из числа «естественных» прав, Робеспьер в своем проекте «Декларации» основными правами человека, признает «право на существование и свободу»⁷⁷. Он указывает на обязанность общества заботиться о существовании своих членов, обеспечивая их работой или предоставляя средства существования неработоспособным, предусматривает обязанность богачей помогать неимущим. Даже эта огра-

⁷⁴ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. I, p. p. 451, 452.

⁷⁵ „Moniteur“, t. XVI, p. 213.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Ibidem.

личная мелкобуржуазным мировоззрением предложенная Робеспьером концепция собственности была определенным шагом вперед по сравнению с жирондистским проектом. Определение собственности как «социального установления» открывало путь к обоснованию права осуществления реквизиций, введения чрезвычайных налогов и, наконец, делало «законным» ограничение собственности богачей и конфискацию собственности «подозрительных», врагов народа и т. п. Оно оказало большое влияние на дальнейшее развитие взглядов Сен-Жюста.

Как известно, это внесенное Робеспьером определение собственности не было включено в конституцию 1793 г., торжественно утверждавшую право частной собственности, как «священное» и «неотчуждаемое» право человека и гражданина. Но в ней делался шаг вперед в сторону уничтожения закрепленных конституцией 1791 г. глубоких различий и противоречий между человеком и гражданином⁷⁸. Конституция 1791 г., установив имущественный ценз, по существу провозглашала человеком и гражданином только собственника. Человек фактически был лишен реальных прав и исключался из политического общества. Конституция 1793 г. упразднила имущественный ценз для активного и пассивного избирательного права. Это означало уничтожение формального политического различия между человеком и гражданином. Государство, как отмечал К. Маркс, тем самым *упраздняло частную собственность в политическом отношении*. Неимущие в политическом отношении одержали победу над собственниками. «Разве частная собственность, — пишет К. Маркс, — не упразднена в идее, если неимущий стал законодателем для имущего? *Ценз — это последняя политическая форма признания частной собственности.*

И все же политическое аннулирование частной собственности не только не упраздняет частной собственности, но даже предполагает ее»⁷⁹.

Вследствие этого в гражданском обществе при капитализме остаются фактические имущественные различия, которые и являются основой государственного строя буржуазной демократии, а следовательно, сохраняется в видоизмененной форме и политическое неравенство.

Таким образом, самая радикальная из всех конституций Великой Французской революции — якобинская конституция 1793 г., не только не уничтожила полностью противоречий между человеком и гражданином, а сохранила и обострила их. Она закрепила политическую эмансипацию, эмансипацию

⁷⁸ По словам К. Маркса «человек» — член гражданского общества, «гражданин» — член государства, т. е. политического общества. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 400.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 390.

гражданина, но не разрешила проблемы эмансипации человека

Противоречия между *политически упраздненной* и *социально сохраненной* частной собственностью поставили в порядок дня проблему эмансипации человека, проблему ликвидации *социальных* основ общественного неравенства

Реальные истоки вантозских декретов

Якобинская диктатура объективно утверждала главную основу нового общества — буржуазную частную собственность. Но лежавший в основе этой диктатуры союз революционной буржуазии с плебейскими и крестьянскими массами вынуждал якобинцев идти навстречу требованиям не только мелких собственников крестьян, но и неимущих слоев городского плебса.

Сформулированы эти требования были первыми идеологами и руководителями плебейских масс — «бешеными». Выдвинутой Жаком Ру 25 июня 1793 г в Конвенте вопрос о том, «неужели собственность грабителей более священна, чем человеческая жизнь», — конкретизировал признанный Робеспьером в принципе приоритет права на существование по отношению к праву собственности, точнее к ее «неприкосновенности».

Напомним, что отсюда вытекало энергично поддерживаемое «бешеными», наряду с требованием всеобщего максимума и революционного террора и требование конфискации богатств, «награбленных» ростовщиками и спекулянтами.

Идеологически подготовленный «бешеными» «плебейский натиск» 4—5 сентября 1793 г толкнул якобинцев на законодательство, устанавливавшее революционный контроль над богачами (всеобщий максимум, принудительный заем у богачей, секвестр на иностранные банки) и режим революционного террора (издание закона о «подозрительных», создание революционной армии и т. д.)

И, несмотря на то, что осуществляя сформулированные «бешеными» эти требования бедноты робеспьеристы, вслед за этим, разгромили саму эту группу первых предпролетарских революционеров, все же именно их выступление, поддержанное давлением плебейских масс, превратило якобинскую диктатуру в «диктатуру низов», единственно способную отразить удары внутренней и внешней контрреволюции и победоносно разрешить задачи буржуазной революции.

Несмотря на свою молодость, Сен-Жюст в эти решающие для судьбы революции и Франции дни осени 1793 г занимал уже почетное место в руководящем центре Горы, там, где сосредоточен был максимум дальновидности и энергии лучших представителей революционной буржуазии. Сен-Жюст принад-

лежал к тем ее деятелям, которые, несмотря на разгром «бешеных», в это время видели спасение в пути, фактически на чертанном этими первыми предпролетарскими революционерами.

По словам Маркса, Сен-Жюст был одним из лучших представителей «революционной силы», «действительно революционного класса»⁸⁰

То особое место, которое принадлежало Сен-Жюсту среди руководящих членов Комитета общественного спасения, видно из того, что именно ему было поручено выступить 10 октября 1793 г в Конвенте с программным докладом, в задачу которого входило обосновать не только необходимость, но и правомерность перехода к т. н. временному революционному порядку управления, т. е. к методам открытой революционной диктатуры, острие которой выступление «бешеных» и плебейский натиск в сентябре 1793 г направили уже не только против внутренней роялистской контрреволюции и ее внешнеполитических союзников, но и против новой «аристократии богатств».

Сен-Жюст уже тогда ощутил всю опасность для этой диктатуры разрыва между готовностью передовой части монтаньяров пойти на удовлетворение требований неимущих масс и тем глухим сопротивлением, которое окажут этому курсу более умеренные круги тоже формально «якобинской» провинциальной буржуазии, которая держала в своих руках аппарат власти на местах — в департаментах и дистриктах. «Законы революционные», — заявил Сен-Жюст в докладе 10 октября 1793 г, но исполнители их не революционны».

Между тем, эти «исполнители», т. е. администрация на местах, будучи выборной, до этого времени мало в чем подчинялась центру. Вот почему, обращаясь к депутатам Конвента, Сен-Жюст призывал их создать зависимую от них администрацию, усилить власть, слить ее с революционным движением. «Революционные законы не могут исполняться, если само управление не организовано революционным образом», — говорил он.

Известно, что по предложению Сен-Жюста Конвент принял декрет о том, что управление Франции останется революционным до заключения мира⁸¹. Центральные военные и гражданские власти ставились под контроль Комитета общественного спасения, который получал теперь право непосредственной связи с дистриктами, минуя управления департаментов.

Таким образом, Сен-Жюст сыграл видную роль в процессе оформления *государства* якобинской революционной диктатуры.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 3, стр. 166.

⁸¹ Именно так в данном случае должно переводиться понятие „gouvernement revolutionnaire“, более узкий смысл которого означает „революционное правительство“, т. е. Комитет общественного спасения.

ры, с характерным для нее сочетанием строжайшей централизации и выборного местного управления

Но чрезвычайно важно, что в лице Сен-Жюста эта диктатура нашла идеолога и руководителя, много сделавшего для того, чтобы ее демократическая социальная политика развивалась именно в направлении, определенном результатами плебейского натиска 4—5 сентября 1793 г.

Более умеренные слои «якобинской» буржуазии, державшие в своих руках местную, департаментскую администрацию, именно потому и осуждаются Сен-Жюстом в этом программном докладе, что они не только не подали пример осуществления политики всеобщего максимума и революционного террора, но сами нарушали ее «Вы издали законы против скупщиков,— говорил он депутатам Конвента,— но те, чья обязанность заставить уважать законы, сами скупают продукты». «Вы проявили энергию, но ее не было у администрации. Все грабили государство. Генералы объявили войну своим армиям; владельцы мастерских и владельцы съестных припасов, все пороки монархии, наконец, объединились против народа и против вас» И Сен-Жюст предвидел, что это сопротивление собственнической стихии, как и пассивность (филистерство) удастся сломить только силой. Свобода должна победить любой ценой, карать необходимо «не только изменников, но также и индифферентных: вы должны карать всех, кто остается пассивным по отношению к республике и ничего не делает для нее»

И это революционное насилие надо превратить в способ облегчения материального положения масс. Такова цель создания нового чрезвычайного трибунала, который бы заставил «нуворишей» разделить их барыши с республикой.⁸²

Как член Комитета общественного спасения Сен-Жюст постоянно уделяет огромное внимание продовольственному вопросу. В речи в Конвенте 9 августа 1793 г. он предложил ввести систему обязательных поставок зерна государству всеми землевладельцами. Размер этих поставок должен был, как при взимании принудительного займа, прогрессировать соответственно размерам земельной площади, а стоимость зерна — предварительно определена соответствующим декретом.⁸³ В цитируемой нами выше его речи 10 октября 1793 г. Сен-Жюст подчеркивал необходимость большей централизации продовольственного дела, считая при этом, что «в мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит наро-

ду» и тем самым не только солидаризируясь с точкой зрения высказанной Робеспьером еще в конце 1792 г., но фактически приближаясь к позиции, занятой в этом вопросе левыми якобинцами и «бешеными»⁸⁴

Забываясь о снабжении Парижа, в одном из писем своему другу, члену продовольственной администрации Тюилье Сен-Жюст пишет «Пиши мне ежедневно о том, что ты делаешь в отношении продовольствия»⁸⁵ Свидетельством близости Сен-Жюста, как члена Комитета общественного спасения, к социально-экономическим вопросам в этот период являются изданные за его подписью постановления⁸⁶, направленные на улучшение снабжения столицы и армии, начавшегося со времени господства жирондистов в руках частных компаний, наживавшихся на этом.

Сен-Жюст убежден, что правительству должно быть революционно по отношению к наживающейся на войне новоявленной «аристократии богатств». «Итак,— делает он вывод в речи 10 октября,— все сводится к тому, чтобы доказать вам необходимость обложения богатых, установления суровой экономии и строгого контроля над всеми подотчетными лицами»

17 октября 1793 г. Комитет общественного спасения решает направить Сен-Жюста и Леба в качестве своих чрезвычайных уполномоченных, комиссаров Конвента, как мы говорим, в Рейнскую армию.

Относительно полная картина деятельности Сен-Жюста в этот период открылась перед историками сравнительно недавно, после передачи в 1947 г. семьей И Карно в Национальную библиотеку наиболее полной рукописи «Переписки и деловых бумаг» Сен-Жюста и Леба.⁸⁴ Осуществленная А. Собоулем в

⁸² «Произведения земли принадлежат всем людям» — писал Жак Ру в «Publiciste», № 249, p. 5. «Все люди имеют равное право на съестные припасы и на все произведения земли», — писал Леклерк в «L'Ami du Peuple», № X, p. 3.

⁸³ «La correspondance de Saint-Just Publ. par Ch. Vellay, „Mercure de France“, 1906, t. 60, I, III № 209, p. 67. Тюилье в письме Сен-Жюсту от 2 сентября 1793 г. сообщал, что он организует закупку продовольствия на сумму 1 млн ливров и просил направить ему мешки и фонды. См. Papiers inedits trouves chez Robespierre Saint-Just, Payan etc, t. I, Paris, 1828, p. 281—282.

⁸⁴ Saint-Just, Oeuvres complètes t. II, p. p. 18, 51, 52, 70, 71, 74, 104. Сен-Жюст постоянно контролирует состояние снабжения. Так, 17 октября за его подписью было издано постановление, обязывавшее мэра Парижа ежедневно сообщать ему о поступлениях продовольствия в столицу, кроме того, мэру предлагалось приступить к описи оптовых магазинов.

⁸⁵ Она насчитывает 306 единиц, в то время, как до этого, например, в распоряжении Ш. Веллэ их было 111 (см. A. Soboul Sur la mission de Saint-Just a l'armee du Rhin (Brumaire an II), „Annales historiques de la Revolution française“, 1954, N 137, Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, pp. 112, 124, 127, 130, 137, 143, русский перевод А. Собоуль, Из истории великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции

⁸² „Moniteur“, 14 \ 1793

⁸³ См. „Archives parlementaires“, t. LXX, p. 589-590. Конвент постановил отпечатать внесенный Сен-Жюстом проект, а обсуждение его перенести на следующее заседание, но данные о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

1954 г публикация этой рукописи ввела ее в научный оборот и тем самым помогла изучению реальных, а не только идеологических истоков вантозских декретов Социальная политика Сен Жюста в период его миссии при Рейнской армии предвосхищала (страдающая, однако, теми же противоречиями) цель вантозских декретов, поскольку в том и другом случаях речь шла о вознаграждении «неимущих патриотов» («*patriotes indigents*») (формулировка, фигурирующая в постановлении от 10 и 11 брюмера перешла в декрет от 13 вантоза II г (3 марта 1794 г), чтобы прочнее привязать их к революции⁸⁵

Таков был вывод, сделанный А Собранием из практики обложения Сен Жюстом богачей (Страсбурга и Нанси принудительным займом Развить это наблюдение в краткой вступительной статье он естественно, не имел возможности Между тем, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении документальные материалы позволяют не только увидеть эту преемственность цели, но и представить себе ту практическую лабораторию *действия* какой явился этот период для Сен Жюста, как автора проекта вантозских декретов

Логика классово-борьбы определила цель этих действий как необходимость временно направить буржуазную революцию против самой буржуазии, на удовлетворение нужд неимущих масс Ибо на провозглашение политики всеобщего максимума и революционного террора городская и сельская буржуазия ответили массовым саботажем торговли на новых условиях «Эгоизм, дух наживы и злонамеренность всячески стремятся уничтожить благоприятные результаты, которые необходимо должны проистекать от благодетельных законов о максимуме, продукты и товары прячут и закапывают»⁸⁶, — эти слова донесения комиссаров Конвента из Бордо от 29 октября 1793 г весьма точно передают типичную картину того момента, когда по словам А Матьеза «революция готовилась дать грандиозное сражение всему классу собственников»⁸⁷

Итак, «эгоизм собственников», срывающий оборону Франции от войск коалиции открыто и вызывающе противопоставил себя героизму и жертвенности неимущих «защитников отечества», которые «проливают кровь в то время как богачи пребывают в праздности»

Все симпатии и заботы Сен Жюста на стороне солдат «Мы

верим в благородство и доблесть солдат» — заявляют Сен Жюст и Леба

Цель действия Сен Жюста — превратить силу революционного насилия в орудие подавления этого эгоизма и, в то же время, в способ удовлетворения материальных нужд бедноты

Но так как солдаты лишены самого необходимого — комиссары уделяют, в первую очередь, максимум внимания «административно-хозяйственным» вопросам Методы их разрешения исходят из выдвинутого якобинскими массами, их идеями «бешеными», поддержанного левыми якобинцами (Шометт) и признанного в принципе Робеспьером приоритета по отношению к «неприкосновенности» собственности права на существование и на насильственное использование всех людских и материальных ресурсов нации в том числе и богатств частных лиц — во имя победы революции

Вот почему комиссары Конвента, не считаясь с тем что Конвент в итоге длительных обсуждений, начавшихся еще в начале года, 3 сентября 1793 г принял декрет о принудительном займе у богачей в размере 1 миллиарда ливров, согласно утвержденным им ставкам, прежде всего обращаются сами к такого же рода мере, трактуя ее, правда не как принудительный заем, а скорее как налог

Еще в конце августа 1793 г высказывались пожелания «изгнать из недр республики богатых эгоистов, не желающих ни снабжать нас средствами существования, ни сражаться вместе с нами против деспотов *необходимо конфисковать все их имущество в пользу республики*»⁸⁸ Комиссар Конвента Лапланш писал из Буржа 4 октября 1793 г «Я повсюду сам облагал революционным путем богатых и аристократов Я отдал также приказание моим уполномоченным следовать моему примеру чтобы закупать продовольствие и облегчать положение бедных санкюлотов»⁸⁹ Его коллега Бернар угрожает 7 октября, что он «пустит кровь богачам», другой сообщает, что он «поприжал богатых»⁹⁰ В Бурже налог на богатых уже да к 29 сентября 800 тысяч ливров⁹¹

Эти действия «народных представителей в миссии», те комиссары Конвента из числа его членов вдохновлялись несомненно, направленностью декретов Конвента этого периода. 16 сентября 1793 г Конвент обязал муниципалитеты «взять на учет земли, оставшиеся необработанными вследствие ухода их владельцев или арендаторов в армию (по закону 23 августа о массовом наборе) и выделить из числа более зажиточных крестьян тех, на кого будет возложена обязанность сделать это в

1848 года во Франции. Вступительная статья А В Адо, М 1960 стр 287—371 См также Н И Чупрун Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1793 г Научные записки Днепропетровского гос университета, т 56 вып IV, 1956, стр, 109—127

⁸⁵ А Собрание нач соч стр 164

⁸⁶ А Матьез Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, М-Л 1928 стр 307

⁸⁷ Там же стр 298

⁸⁸ А Олар цит соч стр 55 (курсив наш — Н Ч)

⁸⁹ Там же

⁹⁰ А Олар цит соч стр 555

⁹¹ А Матьез цит соч стр 292

первую очередь, в отношении участков наименее состоятельных граждан 15 октября был принят декрет об искоренении нищенства, предусматривавший организацию мастерских для бедняков

За три дня до этого в качестве меры наказания буржуазии Лиона за участие в контрреволюционном мятеже Конвент постановил использовать ее имущество для вознаграждения патриотов, участвовавших в его подавлении

Комиссары Конвента в Лионе, осуществляя это решение, постановили возложить на богатей содержание инвалидов, стариков, сирот и неимущих преследовать праздность и нищенство, за счет налога на богатей обеспечить нуждающихся работой и всем необходимым для их ремесла или промысла

Таковы некоторые из многочисленных аналогичных фактов осени 1793 г, в свете которых деятельность Сен-Жюста в Страсбурге не только не представляется исключением, но напротив — отмечена чертами в высшей степени типичными для направления развития якобинской диктатуры в этот период.

Но именно эта типичность и показывает нам, что в этой деятельности проявились тенденции классовых отношений, классовой борьбы, закономерно ведущие к идее вантозских законов в ходе развития противоречивой социальной политики этой диктатуры

Следовательно, чем полнее и глубже откроются перед нами реальные истоки, корни этих декретов, тем очевиднее делается несостоятельность их понимания и оценки, исключительно как тактического маневра якобинцев

Эти истоки мы видим в осуществлении Сен-Жюстом неумолимыми мерами революционного насилия, революционного террора, все сильнее овладевающего умами плебеев убеждения в том, что достояние богатей, уклоняющихся от участия в активной борьбе, должно быть разделено ими с неимущими патриотами — защитниками отечества и использовано для нужд обороны республики

Об этом прямо говорит постановление Сен-Жюста и Леба от 1 ноября 1793 г (10 брюмера II г) о наложении на богатей Страсбурга принудительного займа в 9 млн ливров. Из него 2 миллиона «будут использованы на нужды неимущих патриотов Страсбурга» (au besoin des patriotes indigents), один миллион — для укрепления местности и шесть — внесены в кассу армии⁹².

Заем должен был быть покрыт в течение суток и при этом не обесценившимися к этому времени почти на половину ассигнатами, а полноценной валютой

⁹² Saint-Just, Oeuvres complètes, t II pp 124–125. Заем был разложен на 193 чел, см Archives parlementaires, t 68, p 274

Ввиду затяжки с выполнением этого приказа комиссары, неделю спустя, постановляют, что наиболее богатое лицо из числа обложенных займом, не внесшее причитающейся с него суммы в течение 24 часов, будет выставлено с 10 часов утра до часу дня на эшафоте гильотины. «Принимая во внимание настоятельную нужду отечества, лица, не уплатившие возложенную на них сумму, завтра будут заключены в тюрьму сроком на один месяц за каждый день просрочки»⁹³

Таковы были те суровые меры, вследствие которых в эту лихую для них минуту ни один торгаш, ни один спекулянт, словом ни один буржуа, по словам Энгельса, «не мог поднять голову». Как сообщал 3 ноября (13 брюмера) министру внутренних дел его тайный агент, богачи Страсбурга «...воют, но платят... Угроза гильотины, вот что заставляет их шевелиться. Ассигнаты снова завоевали доверие, никто больше не говорит о серебре, иначе чем по секрету. Через короткое время Страсбург нельзя будет узнать»⁹⁴.

21 брюмера Сен-Жюст и Леба, «принимая во внимание нужды Мозельской и Рейнской армий, проливающих кровь, в то время как богачи пребывают в праздности», постановляют: «взыскать с богатых граждан Нанси заем в размере 5 миллионов ливров в трехдневный срок со дня объявления настоящего постановления, из которых 2 миллиона будут внесены в кассу Рейнской армии, 2 миллиона в кассу Мозельской армии и 1 миллион — в кассу муниципалитета города Нанси для оказания помощи неимущим патриотам (au secours des patriotes indigents) этого города»⁹⁵.

Эта, интересующая нас в данном случае, цель принудительных займов, занимает бесспорно важное место в их предназначении. Сен-Жюст и Леба открыто заявляют, что заем этот «предназначен для оказания помощи патриотам и армии». Уже 15 брюмера (5 ноября) Сен-Жюст и Леба приказывают мэру Страсбурга распорядиться о немедленном распределении 100 тысяч ливров из этих сумм между секциями города, «чтобы поддерживать неимущих патриотов, вдов и сирот солдат, погибших за дело свободы»⁹⁶. В тот же день аналогичное распоряжение дается ими в отношении выдачи 300 ливров Сюзанне Дидье, «вдове солдата, погибшего за свободу».

22 брюмера в распоряжение муниципалитета Страсбурга передается отсюда же 500 тысяч ливров «для оказания немед-

⁹³ „Annales historiques de la Revolution française“, 1954, № 137, p. 320.

⁹⁴ Ibidem, p. 326.

⁹⁵ E. Hamel, Histoire de Saint-Just, député à la Convention nationale, Paris, 1859, p. 303; cp D. Contore Bineau, Saint-Just, P., 1936, p. 143.

⁹⁶ А. С о б у л ь. Из истории великой буржуазной революции 1789—1794 годов... М., 1960, стр. 340.

ленной помощи неимущим семьям (*familles indigentes*) города»⁹⁷ и одновременно мэру приказывается выслать 200 ливров коммуне Матзенелейм «для распределения между семьями граждан, сражающихся за свободу»⁹⁸. 50 тысяч ливров было выделено для помощи патриотам, вынужденным после наступления неприятеля бежать из Виссамбургского дистрикта в Страсбург⁹⁹.

Из этих же сумм выделяется 1000 ливров для награждения двух отличившихся в бою канониров и одного волонтера¹⁰⁰.

Одновременно с этим, Сен-Жюстом широко практикуется и реквизиция у богачей в натуре. «В армии 10 000 человек не имеют обуви. Вам предписывается в течение сегодняшнего дня разуть всех аристократов Страсбурга. Завтра в 10 часов утра 10 000 пар сапог должны быть доставлены в главную квартиру»¹⁰¹, — так звучал знаменитый приказ Сен-Жюста муниципалитету города от 15 ноября 1793 г. (25 брюмера II г.). В тот же день последовало распоряжение о поголовном изъятии шинелей, затем 2000 кроватей для госпиталей в Страсбурге, о реквизиции 5 тысяч пар обуви и 15 тысяч рубашек в Нанси и т. д.

Но, действиям Сен-Жюста в Страсбурге присущи некоторые моменты и черты, которые еще ближе, еще непосредственнее подводят нас к пониманию истоков вантозских декретов. Это — мысль о том, что если достояние богача, «виновного» лишь в том, что он является таковым, может быть частично использовано для нужд нуждающихся, то имущество лиц, уличенных во враждебных действиях, должно конфисковаться в пользу Республики. К таковым постановление от 17 брюмера относит тех, кто скупает солдатское обмундирование¹⁰²; конфискацию в пользу нации имущества лиц, которые были или будут расстреляны, предусматривает постановление от 21 брюмера (11 ноября), ссылающееся на 2 статью ранее принятого постановления, дата которого не указана¹⁰³. Несомненно, однако, что имелось в виду постановление от 5 брюмера (26 октября) о расстреле перед лицом армии се нарушивших свой долг офицеров, а также агентов и сторонников врага, для чего военный трибунал должен был быть преобразован в Особую революционную Комиссию¹⁰⁴.

⁹⁷ А. Собоуль, Из истории великой буржуазной революции 1789--1794 годов., М., 1960, стр. 359.

⁹⁸ Там же

⁹⁹ Там же, стр. 352.

¹⁰⁰ Там же, стр. 349.

¹⁰¹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 147.

¹⁰² А. Собоуль, Назв. соч., стр. 348.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стр. 295. Особое постановление предусматривало, что лошади лиц, приговоренных Военным трибуналом к смертной казни, будут переданы для военных нужд.

Появление этого дополнения весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что именно опыт принудительных займов и реквизиций, приобретенный Сен-Жюстом за это время с 23 октября по 11 ноября 1793 г. привел его к выводу о необходимости не только физического уничтожения врагов революции, но и передачи их имущества в руки нации.

Далее обращает на себя внимание фигурирующее в письме генералу Пишегрю от 22 брюмера понятие о «фонде, предназначенном для оказания помощи защитникам родины», из которого в данном случае ему предлагалось перевести 200 ливров для передачи жене солдата, дети которого живут в нужде.

Можно предположить, что под этим фондом подразумевались не ассигнования из центрального бюджета, которые вряд ли находились в распоряжении командующих армиями, а суммы из принудительного займа — налога на богачей.

А ведь предусматривавшаяся вантозским декретом конфискация имущества осужденных врагов революции и должна была составить такого рода «фонд» в общенациональном масштабе.

Условия обстановки, в которой находится Сен-Жюст в это время, и те конкретные нужды армии и «неимущих патриотов» городов, которые он стремился срочно удовлетворить, властно требовали наличных денежных средств.

Наряду с использованием их путем единовременных раздач, Сен-Жюст осуществляет еще один небезынтересный прием. Работающие у подрядчика артиллерийского парка Лоншара возчики требуют 10 су вместо получаемых ими 5 су. Принимается компромиссное решение: они будут получать 7 су, «причем 2 су будут выплачены за счет займа, взысканного с богачей Страсбурга»¹⁰⁵.

Заметим, что это решение принято после того как уточнено, что возчики эти «патриоты». Предварительным условием оказания материальной помощи жителям коммун также является проверка их патриотизма¹⁰⁶. Таким образом, связующая мысль Сен-Жюста осенью 1793 г. и весны 1794 г. забота о «неимущих патриотах» — это не мысль о социальной благотворительности (в противоположность идее «полужирондиста» Барера о создании «Книги национальной благотворительности»), а мысль о материализации признания их заслуг перед родиной и революцией.

К такой же форме этой материализации толкали мысль Сен-Жюста не только дух социальной философии его эпохи, но впечатления его детства, восприятие опыта уроков революции.

Совершенно естественно, что к мысли о воплощении этих плодов революции, этой заслуженной награды в виде наделе-

¹⁰⁵ А. Собоуль, назв. соч., стр. 369.

¹⁰⁶ Там же.

ния земель. Ибо та солдатская масса, заботам о питании, здоровье которой он уделяет в Страсбурге осенью 1793 г. столько внимания, была в подавляющем своем большинстве (в соответствии с составом населения тогдашней в основном аграрной Франции), несомненно, крестьянской. А организуя борьбу с контрреволюционными элементами, пресекая злоупотребления и нерадивость гражданской администрации, обновляя ее, энергично укрепляя дисциплину Рейнской армии, подбирая новый командный состав, организуя ее снабжение продовольствием, вооружением и снаряжением, Сен-Жюст проявил глубокое понимание того, что ключом к успешному использованию армией результатов всех этих мер, непосредственных условий повышения боеспособности армии является, как мы бы это назвали, укрепление политико-морального состояния ее бойцов.

Отсюда настойчиво и многократно повторяемое приказание вникать во все жалобы и заявления солдат и принимать меры к их быстрейшему удовлетворению. Этому посвящен один из первых приказов Сен-Жюста и Леба, гласящий: «Приказываем всем начальникам, офицерам и всем агентам правительства удовлетворить в трехдневный срок все справедливые жалобы солдат. По истечении этого срока мы будем выслушивать эти жалобы сами и покажем пример справедливости и строгости, которых армия еще не видала»¹⁰⁷.

Это не были пустые слова (недаром девизом Сен-Жюста было: «Меньше слов, больше дела»). С полным правом Сен-Жюст и Леба могли сказать по истечении трех недель их пребывания в Рейнской армии: «Мы выслушивали днем и ночью солдат и граждан. Мы поддерживали слабого против сильного»¹⁰⁸.

Выслушан был ими солдат, лишенный одежды,— и ушел с распоряжением немедленно одеть его, а средства для обмундирования брались также из «займа» у богатей.

Но мотивом обращения к комиссарам в подавляющем большинстве случаев были мучавшие солдат из крестьян опасения за судьбу оставленного ими хозяйства, а следовательно, и за судьбу своей семьи.

Они знали, вероятно, о декрете Конвента от 17 октября, обязывавшего их более состоятельных односельчан помочь в обработке их земли. Но еще лучше солдаты знали этих своих односельчан и были убеждены, что без давления, без нажима помощь их семьям оказана не будет.

Результатом этих обращений солдат к Сен-Жюсту и Леба явилась серия их писем к властям дистриктов и коммун. Про-

¹⁰⁷ А. Собоуль. Из истории великой буржуазной революции 1789—1794 годов..., стр. 290.

¹⁰⁸ Там же, стр. 166.

следим за их содержанием, за выдвигаемыми здесь мотивами. Первым было письмо мэру и члену муниципалитета Вистофа, Страсбургского дистрикта. «Мы должны заботиться друг о друге и оказывать друг другу помощь, ибо у всех нас одна общая цель: отстоять нашу свободу от всех посягательств. Вы — французы и республиканцы. Поле Вашего согражданина не должно остаться необработанным. Вы обработаете его и засеете. Этот благородный братский поступок не останется в тайне. Мы сообщим о нем Национальному Конвенту»¹⁰⁹. Через 8 дней они ждут ответа.

В тот же день и 13 брюмера аналогичные письма ушли в другие дистрикты.

16 брюмера направляется письмо властям дистрикта Рамбервилле. «Граждане, жена и дети Жака Ришара, солдата 14-го батальона департамента Вогезы и вашего согражданина, пребывают в нужде. Лишенные кормильца, которому закон и необходимость защиты родины не позволяют покинуть боевое знамя, они могут ожидать помощи, в которой столь нуждаются, только от их коммун. Человечность и закон¹¹¹ обязывают вас оказать эту помощь. Вы должны понимать, как ужасно, если семье защитника родины придется терпеть муки голода и страдать от холода в связи с наступлением сурового времени года. Вы придете ей на помощь и мы сообщим об этом акте великодушия и братства Национальному Конвенту»¹¹².

Значит ужас такого положения Сен-Жюст уже ощущал осенью 1793 г. и предпринимал посильные попытки его частичного предотвращения вне связи с вопросами внутренней борьбы в якобинском блоке, то есть не в связи с вопросами тактики, а повинаясь несравненно более глубоким мотивам.

После посещения их храбрым солдатом Сежероль, предпочитающим интересы отечества, находящегося в опасности, своим собственным интересам, требовавшим его отлучки из армии, Сен-Жюст и Леба пишут властям его дистрикта: «Мы поручаем вам следить за тем, чтобы его интересы не пострадали от его отсутствия. Это является вашим долгом, согласно принципам Республики»¹¹³. Таким образом, забота о бедняке становится в глазах Сен-Жюста *принципом* якобинской республики, что он позже провозгласил в своей речи 8 вантоза (26 февраля 1794 г.), заявив, что «бедняки — это сила земли».

В третьем из дошедших до нас писем аналогичного содержания все три мотива уже объединяются. Сен-Жюст и Леба именно потому так сурово осуждают власти дистрикта Ла-

¹⁰⁹ А. Собоуль. Из истории великой буржуазной революции 1789—1894 годов..., стр. 307—308.

¹¹⁰ Там же, стр. 330.

¹¹¹ Имеется в виду названный выше закон 17 октября 1793 г.

¹¹² А. Собоуль. Цит. соч., стр. 346.

¹¹³ Там же, стр. 350.

марш, отказавшегося помочь сестре трех братьев-солдат, что их обязывали к тому «человеколюбие, принципы Республики и законы». «Ее братья единственная ее опора, проливают кровь за родину. Только вы можете ей заменить их. Мы поручаем ее вашим заботам и попечению и возлагаем на вас ответственность за ее благополучие»¹¹⁴.

17 брюмера ими посылаются 9 писем о помощи семьям солдат в обработке земли, 22 брюмера — 12 писем¹¹⁵.

Таковы факты и обстоятельства, раскрывающие те глубоко социальные мотивы, под влиянием которых формируется новое, все более и более демократическое понимание Сен-Жюстом принципов якобинской республики.

Таким образом, общая направленность социальных мероприятий, осуществлявшихся Сен-Жюстом в Страсбурге, имеет широкое значение для характеристики облика диктатуры «общественных низов», формирующейся в итоге мощного плебейского натиска 4—5 сентября 1793 г.

Не менее показательной в этом отношении была также важная роль, отводимая Сен-Жюстом в осуществлении этих мероприятий народным обществам, в теснейшем контакте с которыми протекает вся его деятельность. Он запрашивает их мнение о представителях военной администрации, предоставляет им право заменить комиссией из 12 лиц смещенные им «установленные» власти Страсбурга и т. д.

Представляется глубоко обоснованным вывод А. Собоуля о том, что эти действия Сен-Жюста предвосхищали организацию тех институтов (например, института цензоров, осуществляющих контроль народа над должностными лицами), создание которых он проектирует в своих фрагментах «О республиканских установлениях», где он говорит о том, что демократию должен осуществлять сам народ. «Миссия в Рейнскую армию сыграла, таким образом, важную роль в развитии политических идей Сен-Жюста. Она позволила ему проверить теорию на практике, сопоставить планы установления санкюлотской демократии, которые он вынашивал, с нуждами революции и борьбы против аристократии»¹¹⁶.

Более того, А. Собоуль не без основания считает, что концепция санкюлотской демократии в этот период деятельности Сен-Жюста проявилась в гораздо большей степени, чем в период его работы в Комитете общественного спасения и в Конвенте¹¹⁷.

Таким образом, если ранее при изучении деятельности вождей якобинцев чаще ставился вопрос о значении в ней идейных

стимулов, почерпнутых из философии XVIII века, то сейчас марксистская историография ставит перед собой новую, чрезвычайно важную задачу — установление роли в эволюции мировоззрения Робеспьера и Сен-Жюста их практической, революционной деятельности, того более тесного соприкосновения с нуждами и чаяниями народных, плебейских масс, в которое они приходили в ходе этой деятельности (Робеспьер в революционной Коммуне Парижа после 10 августа 1792 г., Сен-Жюст — во время своих «миссий» в армию).

Воспринятые Сен-Жюстом уравнивательные устремления народных масс превращаются в его практической деятельности в норму поведения, в правомерную основу насильственных действий по отношению к богачам и врагам республики, в ходе которых собственность богачей рассматривается им как источник удовлетворения нужд неимущих и потребностей республики. В состав этой конфискуемой собственности входят, как мы видели, денежные суммы и материальные ценности.

Заботясь о положении солдат, защитников республики и их семей, об обработке земли тех из солдат, у кого она была, Сен-Жюст должен был прийти к выводу о том, что радикально помочь тем, кто земли не имел, можно лишь отобрав землю у врагов и частично у богачей и передав ее «неимущим патриотам».

К этим выводам Сен-Жюста толкали, несомненно, также и многочисленные требования плебейства осенью и зимой 1793—1794 года. Как выражение этих требований, большой интерес представляет «Инструкция», составленная в середине ноября 1793 г. для «установленных властей» департаментов Роны и Луары Временной комиссией надзора, которая была учреждена комиссаром Конвента в Лионе, после подавления там жирондистского мятежа. «Инструкция», подписанная председателем комиссии Дюамелем, была одобрена депутатами Конвента Колло д'Эрбуа и Фуше, которые в этот период находились на левом крыле Горы.

Определяя цели и задачи революции, авторы «Инструкции» пишут: «Революция совершена для народа, ее целью является счастье народа, любовь к народу является пробным камнем для революционных убеждений. Само собой разумеется, что под народом следует понимать не тот класс, привилегированный своими богатствами, который присвоил себе все удобства жизни и все блага общества. Народ — это совокупность французских граждан. Народ это, прежде всего, огромный класс бедняков, класс, который дает родине мужчин, защитников наших границ, который кормит общество своим трудом, который украшает его своими талантами и добродетелями... Революция была бы чудовищем политики и морали, если бы она поставила себе целью обеспечить благополучие нескольких сот чело-

¹¹⁴ А. Собоуль, назв. соч., стр. 363

¹¹⁵ Там же, стр. 352, 363—364.

¹¹⁶ Там же, стр. 167.

¹¹⁷ Там же, стр. 165.

век и увековечить нищету двадцати четырех миллионов граждан»¹¹⁸. Констатируя существующие резкие социальные контрасты, глубокую пропасть между богатством и бедностью, ибо «на стороне труда, которому всегда должен был бы сопутствовать достаток, мы видим лохмотья нищеты», авторы «Инструкции» приходят к выводу, что «если полное равенство в счастье среди людей, к сожалению, невозможно, то, по крайней мере, возможно все больше и больше смягчать резкие различия»¹¹⁹. И они намечают конкретный план уравнивания бедности и богатства, согласно которому у богатей следует отобрать все, что находится в излишке, так как обладание им представляет собой произвольное нарушение прав народа. Богачам следует оставлять лишь то, что «является безусловно необходимым, все остальное принадлежит республике и ее бедным согражданам». Местным революционным органам власти вменяется в обязанность со всей добросовестностью, объективно, без ненависти и пристрастия выяснить, в чем действительно нуждается каждая семья, и «все то, что представляет собой излишек сверх этого, конфисковать как дань, по праву принадлежащую революции»¹²⁰. Безусловной конфискации подлежат также излишняя одежда, обувь, а также драгоценные металлы.

Чью же именно собственность предлагают передать на нужды революции и бедноты? Имеются в виду прежде всего «богатые», «если они аристократы», то есть если они враждебны революционному народу. Если же «богатые» — «патриоты», то предлагается пойти навстречу их желаниям в использовании их богатств на нужды республики. Особое внимание в «Инструкции» уделяется решительной борьбе с «подозрительными», к категории которых относятся не только священники, дворяне, родственники эмигрантов, но все, «кто нарушал по отношению к бедным наиболее священные законы человечности и природы»¹²¹. Тем самым, собственность «подозрительных» как «аристократов», «не патриотов», ставилась под удар.

Такого рода требования использования собственности богатей и «подозрительных» в интересах революции и попытки их практического осуществления были в это время не единичными. Как сообщает А. Матьез, в ряде департаментов органы революционной власти и «представители народа», (т. е. комиссары Конвента) по своей инициативе осуществляют секвестр имущества подозрительных для нужд революции и покрытия расходов по содержанию самих подозрительных. Такие меры

¹¹⁸ „Die Sansculotten von Paris“, Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793—1794. Herausgegeben von Walter Markov und Albert Soboul. Berlin, 1957. S. 220. Рецензию С. Л. Сытина на этот сборник см. „Новая и новейшая история“, 1959, № 2.

¹¹⁹ „Die Sansculotten von Paris“, S. 222.

¹²⁰ Там же, стр. 228.

¹²¹ Там же, стр. 226.

осуществляются 11—20 сентября 1793 г. в департаменте Верхней Вьенны, 16 сентября — Дордонь, 2 октября — Пьевр, 28 ноября — Эн.

Местные клубы (Седана, Шалона-на-Марне, Тьера и др.) и представители народа в ряде случаев обращаются в Конвент и Комитет общественного спасения с предложениями о проведении конфискации имущества подозрительных. 16 сентября 1793 г. якобинский клуб Седана с горечью констатировал в своей резолюции: «Кажется революция имела только те последствия, что превратила людей с деньгами в наследников людей с дворянскими графами. Патриоты Седана, убежденные, что богатые не стоят больше дворян, просят Конвент принять декрет, согласно которому, в случае мятежа, вызванного богачами, участники подавления этого мятежа «получат в награду половину движимого и недвижимого имущества, принадлежащего виновникам мятежа; другая половина будет конфискована в пользу республики; установленным властям будет поручен под их ответственностью равный раздел этих имуществ»¹²².

Эти требования выдвигались и в Совете Парижской Коммуны и в Якобинском клубе Парижа. Еще в сентябре 1793 г. Шометт призывал вырвать из пасти алчности и корыстолюбия богатства земли и обратить их на пользу защитникам революции — бедноты¹²³. А вскоре, 23 октября 1793 г. на заседании Совета Парижской Коммуны, как бы намечая конкретное содержание будущих вантозских декретов, что показывает их глубокие корни, Шометт, выражая требования бедноты, предлагает «просить Конвент принять декрет о передаче республиканцам земель, находящихся в руках врагов государства»¹²⁴. Выступая 28 октября 1793 г. в Якобинском клубе, командующий Национальной гвардией Парижа левый якобинец Анрио говорил, что «революция ничего не сделала для санкюлотов, нужно, чтобы все, что теряют аристократы было передано патриотам: дома, земли — все должно быть распределено между теми, кто победил этих негодяев»¹²⁵.

Несколько дней спустя, 11 ноября 1793 г. (21 брюмера II г.) по предложению Шометта Коммуна просит Конвент принять декрет, обязывающий всех отсутствующих парижан вернуться в столицу, в противном случае их состояние будет конфисковано в пользу республики¹²⁶. 26 января 1794 г. (7 плювиоза II г.) в связи с поднятым в Конвенте вопросом о порядке со-

¹²² A. Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 115; „Moniteur“, t. XXIV, p. 594.

¹²³ Archives parlementaires, t. 73, p.p. 411—413.

¹²⁴ „Moniteur“, № 34, 25-X-1793.

¹²⁵ A. Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 115.

¹²⁶ Ibidem, p. 116.

держания арестованных лиц Кутон внес предложение: «Не будет ли полезным наложить секвестр на имущество лиц, арестованных как подозрительных?»¹²⁷. По этому поводу Конвент поручил Комитетам Общественного Спасения и всеобщей безопасности представить в течение трех дней доклад.

Таким образом, идея использования собственности богачей, подозрительных, врагов революции в интересах патриотов-бедняков была выдвинута самой жизнью и здесь, в гуще ее, воспринята революционным правительством и его руководителями в том числе Сен-Жюстом. Сознывая реальные причины эволюции своих взглядов, Сен-Жюст говорил: «Опыт, основанный на страданиях, научает мудрости»¹²⁸.

Теоретическое обоснование эгалитарного социально-политического идеала Сен-Жюста

Мудрость эта заключается в убеждении Сен-Жюста в невозможности, при сохранении богатств в руках врагов народа, длительного существования демократической республики. «Действительно, сила вещей ведет нас быть может к результатам, о которых мы и не помышляли.

Богатство находится в руках значительного числа врагов революции. Нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Допускаете ли вы, что возможно существование государства, если гражданские отношения находятся в противоречии с формой государственного управления»¹²⁹. Он провозглашает необходимость дальнейшего углубления революции в интересах неимущих. «Законы революции должны привести человека к свободе, к совершенству и к счастью. Эти порывы не должны иметь другой цели и должны опрокинуть всех, кто сопротивляется... Говорят о высоте революции: кто может определить эту высоту? Она — подвижна»¹³⁰. «Прислушайтесь к тайному биению ваших сердец, преодолите идейную нерешительность, отделяющую вас от цели, к которой вы стремитесь. Лучше ускорить ход революции, чем плестись в хвосте по воле заговоров, опутывающих ее и сковывающих. Вам предоставляется составить план дальнейших действий и добиться скорейших результатов на благо всего человечества»¹³¹. «Те, кто совершают революцию наполовину, роют себе могилу. Революция ведет нас к признанию того принципа, что всякий, кто

проявил себя врагом своей страны, не может в ней быть обладателем собственности. Для нашего спасения нужно еще несколько умелых ударов»¹³².

«Сила вещей», о которой говорил Сен-Жюст, представляет собой совокупность политических и социальных отношений, их взаимосвязь и развитие во всей сложной внутренней и внешне-политической обстановке. Завершение разгрома внешней контрреволюции и защита национальной независимости от посягательств монархической Европы, равно как и защита демократической республики от попыток ее подрыва со стороны крупнособственнических элементов, в частности со стороны укрепившейся за время революции новой спекулятивной буржуазии, выразителями интересов которой становятся теперь дантониисты, были возможны только при условии сохранения союза революционной буржуазии с народом, с беднотой, только при поддержке якобинской диктатуры трудящимися массами, а значит при условии осуществления социальных требований бедноты. Долгий путь прошел Сен-Жюст от речи о продовольствии в декабре 1792 г., когда он, утверждая, что «народ, не имеющий счастья, не имеет родины», впервые на ощупь пришел к пониманию необходимости разрешения социальных проблем, до его выводов осенью 1793 г. о том, что враги революции не могут быть обладателями собственности. Это был сложный и противоречивый путь развития социальных взглядов не только активного политического деятеля, но и мыслителя, взглядов, уточнявшихся и углублявшихся под влиянием классовой борьбы и ее революционного опыта¹³³, под влиянием побеждавшей тенденции превращения якобинской диктатуры в диктатуру «низов».

Пророчески звучали слова Марата, к памяти которого обращается Сен-Жюст, излагая свои новые выводы. Ведь Марат глубоко убежденный в том, что мысль о равенстве в области прав влечет за собой мысль о равенстве в области пользования жизненными благами, говорил: «И кто знает, долго ли пожелает француз ограничиться тем кругом идей, за пределы которого ему давно следовало бы уже выйти?»¹³⁴.

¹²⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 238

¹²⁸ Нельзя не согласиться с совершенно правильным утверждением А. Соболя в его рецензии на книгу А. Оливье «Сен-Жюст и сила вещей» (А. Olivier, «Saint-Just et la force des choses», Paris, 1954) о том, что Оливье, поставив слова «сила вещей» в ее заглавие, в то же время фактически игнорирует эту «силу вещей», пытается рассматривать историю революции, историю жизни и деятельности Сен-Жюста вне анализа классовой борьбы, являющегося непременным условием исследования исторической действительности. См. «Annales historiques de la Révolution française», 1956, № 142, p. 83—94.

¹³⁴ Ж. П. Марат, Избранные произведения, т. II, М., 1956, стр. 167.

¹²⁷ Ibidem, p. 117.

¹²⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 514.

¹²⁹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 238.

¹³⁰ Ibidem, p. 508.

¹³¹ Ibidem, p. 247.

Обращение Сен-Жюста к рассмотрению общих путей развития революции и ее целей зимой 1794 г. не определялось, следовательно, субъективной эволюцией его идей. Напротив, сама эта эволюция отражала его взгляды на объективное развитие французской буржуазной революции по восходящей линии.

В. И. Ленин учил, что «...с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции». Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс,— следовательно, большая определенность политических, партийных группировок..., следовательно, все большая замена общих, абстрактных, неясных и смутных в своей абстрактности политических и экономических требований конкретными, точно определенными различными требованиями различных классов»¹³⁵.

Зимой 1793—1794 гг. в связи с различным подходом к пониманию и решению вопросов о дальнейших путях развития революции все больше обостряется внутрипартийная борьба в социально-разнородном якобинском блоке, в состав которого входили классы и социальные группы с противоречивыми стремлениями, лишь временно объединившиеся для борьбы с общими врагами. Их сплотила война с внешней и внутренней контрреволюцией, но они по-разному понимали свою конечную цель и расходились в своих представлениях о будущем общественном строе. Военные успехи и ослабление внешней опасности способствовали обострению внутренних разногласий. Возникал вопрос, как будут использованы победы, и каждое из течений внутри якобинцев, а именно: робеспьеристы, дантонисты и эбертисты, решало этот вопрос по-своему¹³⁶.

В феврале 1794 г. Робеспьер выдвинул на первый план эту задачу. «Пора ясно определить цель революции и установить предел, до которого мы хотим дойти,— заявляет он в Конвенте 5 февраля 1794 г.,— пора отдать себе отчет и в препятствиях, которые еще отдаляют нас от этой цели, и в средствах, к которым мы должны прибегнуть для ее достижения,— простая и важная мысль, которая, по-видимому, никогда не была замечена»¹³⁷. Определяя цели, Робеспьер называет прежде всего «мирное пользование свободой и равенством». «Мы хотим такого порядка вещей, при котором все низкие и жестокие страсти сдерживались, а все благотворные и благородные страсти пробуждались бы законами; такого порядка, при котором честолюбие состояло в желании заслужить славу и послужить отечеству; при котором отличия возникают лишь из самого равенства; ...при котором отечество обеспечивает благо-

состояние каждой личности, а каждая личность с гордостью наслаждается процветанием и славой отечества. при котором искусства были бы украшением облагораживающей их свободы, торговля—источником общественного богатства, а не только чудовищным изобилием для нескольких семей»¹³⁸.

Как же конкретно представлял себе дальнейшие пути развития революции зимой 1793—1794 гг. Сен-Жюст? Ответ на этот вопрос дают произнесенные им в этот период речи в Конвенте и обнаруженные после его смерти фрагменты «Республиканских установлений»¹³⁹.

По его мнению, для закрепления достигнутых завоеваний революции необходимо предоставить ее защитникам, революционному большинству народа, беднейшим массам материальные выгоды от революции. «Укрепить революцию—это значит обратить ее на пользу тех, кто поддерживает ее, и на гибель тех, кто с ней борется»¹⁴⁰. «Недостаточно только охранять народ от несчастий, нужно стремиться сделать его счастливым»¹⁴¹. «Упраздните нищенство, которое позорит свободное государство; собственность патриотов священна; имущество же заговорщиков переходит в распоряжение неимущих. Бедняки составляют силу земли; они имеют право говорить, как хозяева с правителями, которые ими пренебрегают... не допускайте, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный или бедняк. Только такой ценой вы осуществите подлинную революцию и установите подлинную республику»¹⁴²,— убеждает Сен-Жюст депутатов Конвента 26 февраля 1794 г. (8 вантоза II г.).

Ту же мысль мы находим в тексте его заметок о «Республиканских установлениях»: «Не должно быть ни бедных, ни богатых. Бедняк стоит выше правительства и земных властей; он должен говорить с ними как хозяин. Надо на практике приме-

¹³⁸ М. Робеспьер. Революционная законность и правосудие, Статьи и речи, М., 1959, стр. 204—205. Перевод исправлен.— Н. Ч.

¹³⁹ Дошедшие до нас разрозненные заметки Сен-Жюста о «Республиканских установлениях», были впервые изданы в 1800 г. М. Брио тиражом всего в 300 экземпляров. Но и это издание, несмотря на то, что в нем, по словам А. Соболя, текст был явно искажен издателем в интересах своего класса, было запрещено и почти полностью уничтожено, и текст «Фрагментов» остался по-существу малоизвестным. В 1831 году было осуществлено новое издание Шарлем Нодье. В 1908 г. Ш. Веллэ включил их в собрание сочинений Сен-Жюста (см. *Fragments sur les Institutions republicaines Saint-Just, Oeuvres complètes*, t. II, Paris, 1908, p. p. 492—535), откуда они затем и перепечатывались. Не так давно была обнаружена рукопись «Фрагментов», которая свидетельствует о том, что все предыдущие издания были далеко не полными и не точными. Эта рукопись издана А. Собоулем. См. *Les Institutions republicaines de Saint-Just d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale. „Annales historiques de la Révolution française“*, 1948, № 111, p. p. 193—262.

¹⁴⁰ Saint-Just, *Oeuvres complètes*, t. II, p. 247.

¹⁴¹ Ibidem, p. 507.

¹⁴² Ibidem, p. p. 238. 241.

¹³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 364.

¹³⁶ См. об этом выше, в статье Р. М. Тошковой-Яковкиной.— *Ред.*

¹³⁷ Максимилиан Робеспьер, Революционная законность и правосудие. Статьи и речи, М., 1959, стр. 203.

нить эти мысли и сделать людей зажиточными. Богатство есть позор»¹⁴³.

Какими же путями он надеется уничтожить имущественное неравенство? Бедность Сен-Жюст надеется устранить прежде всего путем наделения нуждающихся землей. «Надо всем дать немного земли,— утверждает он,— я не верю, что свобода будет установлена, если возможно поднять бедных против нового строя; я не верю, что не будет больше несчастных, если не сделают так, чтобы каждый имел землю. Там, где существуют крупные владельцы, мы видим только бедных...»¹⁴⁴. Сен-Жюст, в частности, предлагал для наделения землей неимущих использовать земли врагов народа. Он надеется «уничтожить нищенство, путем раздачи беднякам национальных имуществ»¹⁴⁵. Кроме этого, по его мнению, безземельным гражданам должны отдаваться в аренду общественные земельные домены¹⁴⁶. Заботясь о наделении бедняков землей, Сен-Жюст намечает также ряд мер, препятствующих образованию крупных состояний. Тем самым он стремится к уравниванию размеров земельных владений. Таким средством, ограничивающим возможность возникновения крупных состояний и приводящих к их уравниванию, должно служить предлагаемое им ограничение наследственного права путем замены наследования по боковой линии передачей соответствующего наследства в фонд общественных доменов¹⁴⁷. До известной степени ту же цель преследует введение добровольного усыновления имущими гражданами детей неимущих, которым они должны давать «неотчуждаемое» приданое, права на которое не могут быть потеряны по давности (приданое не должно превышать 10 тысяч ливров)¹⁴⁸. Этому же отчасти служит и устанавливаемый им порядок опеки¹⁴⁹.

Но установление имущественного равенства, если бы это было даже возможным, не является средством радикального разрешения социальной проблемы, т. е. уничтожения бедности. Напротив, как справедливо отмечает академик А. М. Деборин, «раздел имуществ ведет к распылению общества на отдельные самостоятельные элементы, которые неизбежно вступают между собой в борьбу, порождаемую конкуренцией. Такое уравнивание богатства между гражданами неминуемо должно повлечь за собой восстановление прежнего порядка с неравномерным распределением общественного достояния, следствием чего является еще большее углубление пропасти между богатыми и

¹⁴³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 514.

¹⁴⁴ Ibidem, p. 513.

¹⁴⁵ Ibidem, p. 414.

¹⁴⁶ Ibidem, p. 535.

¹⁴⁷ Ibidem, p. 523.

¹⁴⁸ Ibidem, p. 521.

¹⁴⁹ Ibidem, p. 520—521.

бедными»¹⁵⁰. В этом смысле никакая «средняя линия» не может привести к разрешению социального вопроса, как это наивно полагал Сен-Жюст и другие мелкобуржуазные уравниатели.

Развивая положение Ж. Ж. Руссо, о том, что «труд есть неизбежная обязанность общественного человека»¹⁵¹, Сен-Жюст рассматривает труд как необходимую основу справедливого общественного строя. Обязательность труда для всех граждан он считает необходимым условием достижения всеобщего блага в государстве. «Необходимо, чтобы все люди работали и уважали друг друга. Если все будут работать, в стране все будет в изобилии, понадобится меньше денег. Если все будут уважать друг друга, не будет больше заговоров. личная жизнь каждого гражданина будет спокойной и все люди более добродетельными»¹⁵²,— пишет он в «Республиканских установлениях». «Каждый владелец, не имеющий определенной профессии, который не является должностным лицом и которому более 25 лет, должен до 50 лет обрабатывать землю. На каждую десятину земли он должен иметь 4 овцы, в противном случае лишается всех гражданских прав. Безделие карается, промысел покровительствуется»¹⁵³.

Все граждане в храме ежегодно должны давать отчет государству о результатах своих трудов, о том, на что они употребили свое достояние. При этом Сен-Жюст не только мечтает о введении обязательного труда для всех граждан в его идеальном общественном строе, но предполагает начать немедленно осуществлять этот принцип на практике. В своем докладе 13 марта 1794 г. (23 вантоза II года) он спрашивает депутатов Конвента: «Знаете ли вы, что является последним оплотом монархии? Это класс людей, которые ничего не делают и не могут обойтись без роскоши и диких причудей; у которых нет иных помыслов, кроме дурных, которые находятся всегда во власти скуки, безумных наслаждений и отвращения к жизни общества... Вот этот класс и надо обуздать. *Заставьте всех что-нибудь делать*, выбрать профессию, полезную для свободы... Разве нам не нужно строить суда, развивать мануфактуры, поднимать целину? Какие права у нас в стране имеют те, кто ничего не делает? Это у них — гнусное понятие о счастье, это они — самые лютые враги республики»¹⁵⁴.

Предлагая подобный путь установления имущественного равенства Сен-Жюст считает, что все французы должны стать мелкими собственниками, самостоятельными производителями

¹⁵⁰ См. А. М. Деборин, Социально-политические учения нового времени, т. I, М., 1958, стр. 520.

¹⁵¹ Ж. Ж. Руссо, Эмиль, СПб, 1912, стр. 183.

¹⁵² Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. p. 509—510.

¹⁵³ Ibidem, p. 528.

¹⁵⁴ Ibidem, t. I, p. 269.

ми, собственность которых должна основываться на их личном труде. Этот идеал мелкой собственности, опирающейся на труд, развивали в это время Робеспьер, Билло-Варенн и другие монтаньяры. Билло-Варенн, в частности, утверждал, что если накопление крупных богатств в руках небольшого количества лиц ведет к обострению социальных противоречий, то зажиточность подавляющего большинства людей как продукт труда индивидуума и торговой деятельности подняла бы нацию на высшую ступень благосостояния и принесла бы ее правительству подлинное величие¹⁵⁵.

Рассматривая труд как обязательное условие гражданства Сен-Жюст вместе с тем считает, что республика обязана обеспечивать средствами к существованию людей, отличившихся особой добродетелью, а также изувеченных солдат, стариков, сирот, всех тех, кто жертвовал собой ради дружбы, а также всех тех, чье имущество погибло от войны, пожара, бури и других бедствий¹⁵⁶.

Осуществление рассмотренных мер, по мнению Сен-Жюста, должно было обеспечить упрочение и развитие демократической республики, закрепить полную победу революции, принести счастье народу. В своем докладе в Конвенте 13 марта 1794 г., резюмируя взгляды робеспьеристского руководства якобинской диктатуры на развитие революции, он заявляет: «Если народ полюбит добродетель и скромность; если с лиц исчезнет бесстыдное выражение, если в общество вернется чистота нравов, а контрреволюционеры, умеренные и просто мошенники будут повержены в прах; если беспощадные к врагам революции, мы будем проявлять любовь и чуткость к патриотам... *если вы дадите землю всем неимущим; если вы отнимите ее у мерзавцев, — тогда я признаю, что вы действительно совершили революцию*; но если все происходит обратное этому, если внешние враги берут верх на революцией; если торжествует порок, если на месте прежней знати появляется новая; если казни не достигают тайных заговорщиков, — нам остается кануть в небытие или погрузиться в лоно божества; *значит революции не было*, и нечего ждать на земле ни добродетели, ни счастья»¹⁵⁷.

Итак, важнейшей целью революции Сен-Жюст считает достижение счастья для народных масс, обеспечение определенных материальных результатов для тех, кто совершил революцию и является ее опорой, что, как мы знаем, отвечало мыслям и требованиям самих этих масс. Воспринимая и защищая выдвигавшиеся неимущими требования уравнивания бедности и богатства Сен-Жюст, опираясь на уравнивательные системы

мыслителей XVIII века и приобретенный якобинцами и лично им в годы революции большой опыт, стремится в своих фрагментах «Республиканских установлений» дать этим требованиям теоретическое обоснование. Если, как мы видели, в первые годы революции, он считал непригодным для Франции уравнивательные социальные тенденции законодательства Спарты, в том виде как оно рисовалось людям его эпохи, то теперь Сен-Жюст мечтает именно о создании эгалитарной республики на «спартанский» лад, надеется путем уничтожения неравенства исправить, преобразовать французов, превратив их в спартанцев, не сознавая при этом всей утопичности мысли о возможности искусственного перенесения имущественных отношений античности в условия буржуазной Франции. «Мы предлагаем вам то счастье, каким наслаждались в свои лучшие времена Афины и Спарта... Мы предлагаем всем счастье добродетели и скромного довольства. Мы предлагаем вам счастье наслаждения необходимым, не терпящее излишеств: мы предлагаем вам счастье ненависти к тирании, радость, знакомую обитателю хижины, который своими руками возделывает плодородную землю. Мы предлагаем народу счастье быть свободным и спокойным, счастье жить в мире и наслаждаться плодами и нравами революции, счастье вернуться к природе и морали; счастье созидать Республику... Плуг, поле, хижина, защищенная от разбойников — вот счастье...»¹⁵⁸.

Однако, отстаивая необходимость уничтожения неравенства, уравнивания бедности и богатства, Сен-Жюст не выступает против частной собственности, как таковой. Напротив, каждый, по его мнению, должен обладать собственностью, но никто не должен иметь ее в размерах, больших чем это необходимо для его скромного, «спартанского» существования, чем это позволяют законы. В этом плане Сен-Жюст, как типичный якобинец, стремился объективно удовлетворить очень распространенные в это время требования мелкого и среднего крестьянства, полоников и бедноты о раздроблении крупных ферм и ограничении размеров арендных участков. Он отмечает в своей записной книжке: «не допускать раздела собственности, производя лишь раздел фермажа»¹⁵⁹. Иными словами, Сен-Жюст предполагал лишь дробление сдаваемых в аренду участков, продолжающих оставаться собственностью их прежнего владельца.

Это, как известно, полностью согласуется с практической стороной взглядов на судьбу собственности учителя якобинцев, наиболее влиятельного философа мелкобуржуазного эгалитаризма XVIII в. Ж. Ж. Руссо, который в своем проекте конституции для Корсики писал: «Цель состоит не в отмене част-

¹⁵⁵ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 535.

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 268—269.

¹⁵⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 267.

¹⁵⁹ Ibidem, p. 537.

ной собственности, потому что это невозможно, а в том, чтобы включить ее в самые тесные пределы»¹⁶⁰ и тем самым создать условия, при которых каждый имел бы свою долю в общем богатстве, пропорциональную результатам его труда. Подобно Руссо, Сен-Жюст идеализирует свободное от феодального гнета мелкое крестьянское хозяйство, совершенно не отдавая себе отчета в том, что оно исторически является исходным пунктом развития капиталистического хозяйства, неизбежно ведущего к новой, еще более глубокой имущественной дифференциации.

Искренне стремясь к улучшению положения неимущих, Сен-Жюст не смог, как и все великие, но буржуазные революционеры XVIII в., понять подлинные причины социального зла, не в состоянии был провидеть действительные пути разрешения проблемы общего счастья. Выступая за дальнейшее углубление революции в интересах бедноты, стремясь к уничтожению социального неравенства путем уравнивания бедности и богатства, ограничивая частную собственность богачей правами бедных, Сен-Жюст тем самым принципиально посягал на неприкосновенность частной собственности. Вместе с тем он признавал право частной собственности священным. В этом его противоречивом отношении к собственности ярко проявлялась вся двойственность и ограниченность буржуазно-революционного демократизма Сен-Жюста и якобинцев.

Отдавшись с самого начала своей политической деятельности борьбе с прогнившим феодально-абсолютистским строем, Сен-Жюст еще накануне революции в поэме «Органт» подвергал едкому осмеянию феодальные учреждения, законы, мораль. Сен-Жюст страстно борется против всех этих устоев феодализма в годы революции и, в особенности, в период ее высшего подъема — якобинской диктатуры. Он стремится к созданию, взамен старых, отживших или отживающих устоев, учреждений, морали, новых, республиканских установлений (institutions), устоев, норм, которые, охватывая все стороны жизни нового человека и гражданина, содействовали бы укреплению и успешному развитию демократической республики.

В своих речах зимой и весной 1794 г. он неоднократно возвращается к этому вопросу. «Нам не хватает установлений, которые являются душой республики,— подчеркивает он эту свою основную мысль в докладе 26 февраля 1794 г.,— мы совершенно лишены гражданских законов, которые освещают наше счастье, наши естественные отношения и разрушают элементы тирании»¹⁶¹. «Мы знаем только одно средство воспрепятствовать злу: это утвердить наконец гражданское состояние революции и начать войну со всеми проявлениями разло-

жения, проникшего в нашу среду с намерением обессилить республику»¹⁶²,— заявляет он в докладе 13 марта 1794 г. «Создайте гражданские установления, о которых до сих пор совершенно не думали. Без них нет прочной свободы, они поддерживают любовь к родине и революционный дух даже тогда, когда революция прошла»¹⁶³,— призывает Сен-Жюст Конвент 15 апреля 1794 г.

Сен-Жюст упорно трудился над разработкой основ таких республиканских установлений, таких социальных, правовых институтов, над характеристикой таких норм общественной морали, нравственности и этики, о чем свидетельствуют сохранившиеся после его смерти разрозненные записи, изданные впоследствии под названием «Республиканские установления». «Установления — это гарантия правительства против скверных обычаев и гарантия народа и гражданина против разложения правительства. Цель установлений — вложить в разум гражданина и даже ребенка понятие о законном сопротивлении всему несправедливому, склонить должностных лиц и молодежь к добродетели, мужчин к скромности и мужеству, чуткости и справедливости... создать дружную семью, развить дружественные чувства среди граждан; поставить на первое место благополучие народа; подавлять всякие преступные замыслы, сделать простыми и чистыми сердца и тем образовать родину»¹⁶⁴. «Цель установлений создать общественную и личную защиту человека, предохранить людей от насилий и раздора, поставить влияние нравственности выше влияния людей»¹⁶⁵. И далее: «Все пойдет хорошо, если у нас будут хорошие нравы, нужны учреждения, чтобы их улучшать... Террор смог нас избавить от монархии и аристократии, но что нас предохранит от падения нравов? Республиканские установления»¹⁶⁶.

Подобно своим учителям — французским просветителям XVIII в., Сен-Жюст не понимал объективных материальных законов исторического развития и активной роли практической производственной деятельности, общественных отношений людей. Рассматривая развитие общества с идеалистических позиций и руководствуясь формулой: «мнения правят миром», он придавал непомерно большое значение роли мудрых и чуть ли не всемогущих законодателей. Законодатель управляет будущим, полагал Сен-Жюст, ему нельзя быть слабым. Это он должен сделать людей такими, какими он хочет, чтобы они были и, смотря по тому, в какой степени законы оживляют

¹⁶⁰ J. J. Rousseau, Du Contrat social, Paris, 1903, p. p. 191—192, note 31.

¹⁶¹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 230.

¹⁶² Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 230.

¹⁶³ Ibidem, p. 385.

¹⁶⁴ Ibidem, p. 492.

¹⁶⁵ Ibidem, p. 495.

¹⁶⁶ Ibidem, p. 501.

общественный организм, инертный сам по себе, и получают добродетели или преступления, добрые нравы или жестокость. Необходимость республиканских установлений, то есть воплощенных в законах социальных, общественных, этических норм взаимоотношений и поведения граждан, «институтов», основ, устоев,— он не ставил в зависимость от экономического строя. Напротив, он был убежден, что само развитие последнего определяется взглядами людей, нравами, политическими, правовыми институтами общества, зависит от них.

Эти «республиканские устои», способствующие осуществлению уравнилельных принципов и, должны были, по мнению Сен-Жюста, разрешить важнейшую задачу формирования нового мировоззрения, привести к моральному возрождению французов, к достижению гармонии интересов человека (частных) и гражданина (общественных). Во всем этом проявляется влияние на Сен-Жюста этики французских просветителей, видевших в идеале добродетели (vertu) основу истинной человеческой нравственности. «Эту добродетель,— писал Монтескье,— можно определить как любовь к законам и отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей»¹⁶⁷.

Нравственность, общественную добродетель Сен-Жюст, подобно Монтескье, считал основным принципом республики. Политика республики «должна включать в себя обширный план морального возрождения». Он говорил, обращаясь к Конвенту: «умертвив тирана, но не умертвив разложения, при помощи которого прислужники иностранных государств ведут страну к монархии, вы еще ничего не сделали. Безнравственность — это феодализм в жизни общества. При нем каждый, стремясь лишь к своему личному благополучию, охотно жертвует ради него себе подобными и не очень беспокоится о том, счастлив ли, свободен ли его сосед»¹⁶⁸.

Добродетель, забвение себя во имя общего блага, противопоставляется Сен-Жюстом эгоизму частных интересов. «Дело в том, чтобы приучить к добродетели черствых людей, которые живут только для себя»¹⁶⁹, заявляет он в речи о продовольствии. Образцом добродетели является его идеал подлинного революционера, непоколебимого, непримиримого к врагам революции, дорожащего славой своей родины и свободой, умеренного в потребностях, предельно скромного, безукоризненно честного, искреннего. «Революционер — это герой здравого смысла и честности»¹⁷⁰. Революционер должен воспламеняться только для общественного блага. «Пылкость,— говорил Сен-

Жюст,— заключается в непоколебимом решении защищать права народа и Конвента; она — в презрении к богатству и в мужественной простоте нравов; пылкость, а не ярость, является добродетелью»¹⁷¹.

Этот идеал революционера, черты которого мы видим в облике самого Сен-Жюста, вдохновлял и вел на подвиг многих борцов революции, лучших «якобинцев с народом». А. И. Герцен писал о необходимости для революционера обладать «не только тактом и верностью взгляда, но и той дерзостью, которую Сен-Жюст считал необходимой для революционера»¹⁷².

Видя в добродетели, наряду со свободой и справедливостью, основное условие достижения главной цели — «общественного блага», к обеспечению которого должны стремиться законодатели¹⁷³, Сен-Жюст этическими средствами обосновывает новые общественные отношения, которые должны были сложиться в его идеальной демократической республике. Он стремится так построить нравственные основы общества, чтобы вся обстановка, в которой люди живут воспитывала их, способствовала их просвещению, чтобы она на опыте доказывала человеку связь его собственного благополучия с благополучием всего общества.

Воспитание, которому Сен-Жюст придает почти самодовлеющее значение, является в его глазах важнейшим идейным средством достижения добродетели. «Заставить выполнить законы, касающиеся воспитания — вот секрет»¹⁷⁴, — заносит он в свою записную книжку.

В начертанной им системе воспитания¹⁷⁵ Сен-Жюст исходит из того, что всем гражданам необходимо дать широкое равное общее образование, которое бы сочеталось с производственным трудом, с гармоническим физическим и моральным развитием. Сен-Жюст полагал, что интересы нации требуют не только образования, но прежде всего, единого, всеобщего национального воспитания. Если до пятилетнего возраста ребенок принадлежит матери, при условии, что она его кормит, то далее, по мысли Сен-Жюста, должно следовать воспитание общественное, проводимое в спартанском духе. «Ребенок, гражданин принадлежит родине. Необходимым является общественное воспитание... Мальчики воспитываются родиной от пяти до 16 лет»¹⁷⁶. Все дети в этом возрасте одеты одинаково,

¹⁷¹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. I, p. 385.

¹⁷² А. И. Герцен, Былое и думы, Л., 1946, стр. 399.

¹⁷³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 492, 508, 509.

¹⁷⁴ Ibidem, p. 536.

¹⁷⁵ См. фрагмент «О воспитании» (Ibidem, т. II, p. p. 516—519), другие версии (см. Stefane-Pol, De Robespierre à Fouché: notes de police, Paris, 1906, p. p. 67—71) не имеют существенного отличия.

¹⁷⁶ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 517.

¹⁶⁷ Ш. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 191.

¹⁶⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. p. 266, 271.

¹⁶⁹ Ibidem, t. I, p. 380.

¹⁷⁰ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. I, p. 372.

пользуются общественным питанием. Дети от 5 до 10 лет учатся читать, писать и плавать; с 10 до 16 лет они обучаются военному делу, земледелию и языкам. С 16 до 21 года учащиеся изучают различные науки, выбирают профессию и трудятся в земледелии, промышленности или во флоте. Школы частично должны содержаться за счет национальных имуществ. Воспитанием детей с пяти до десяти лет должны заниматься только люди старше 60 лет, безусловно прожившие свою жизнь и получившие за это белый «шарф старости». Учителями могут быть земледельцы, промышленники, купцы. Все граждане в возрасте от 21 до 25 лет, исключая занятых в магистратуре, поступают в национальную армию. Девочки должны получать домашнее воспитание.

Важную роль в системе воспитания и сохранения чистоты нравов играет институт цензуры, заимствованный из истории Рима, хотя и отличающийся несколько своими формами. Цензоры, функции которых выполняют старики, имеющие «шарф старости», призваны следить за чистотой нравов молодежи и общественных служащих.

Идеологической основой воспитания должен был служить культ Природы и его логическое завершение — культ Верховного Существа, в которых, по мнению Сен-Жюста, была заключена высшая нравственная сила, призванная способствовать возникновению добродетели. Культ Верховного Существа, подобно «гражданской религии» Руссо, призван был укреплять всеобщую гармонию, провозглашать и утверждать святость свободы и гражданской добродетели в наслаждении благами земли. Большое место при этом Сен-Жюст отводит религиозным национальным празднествам, посвященным Природе и различным добродетелям, организуемых в первый день каждого месяца по революционному календарю, поочередно в честь Верховного существа, природы, народа и какой-нибудь из добродетелей — любви, супружеской верности, победы, мудрости, патриотизма, молодости и старости, труда, бессмертия души и пр.¹⁷⁷ Имея в виду таблицу, предложенную Сен-Жюстом, такого рода праздников В. Г. Белинский отмечал ограниченность взглядов Сен-Жюста в этой области¹⁷⁸.

Отводя столь большое место культу Верховного Существа, Сен-Жюст, естественно, резко осуждает «нетерпимый и фанатичный»¹⁷⁹ атеизм, как признак отсутствия добродетели, безнравственность, считает его политическим преступлением против республики. «Пусть французы преклоняются перед разумом, но пусть разум не забудет о божестве»¹⁸⁰, — говорил

¹⁷⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 525.

¹⁷⁸ См. В. Г. Белинский, Собр. соч., т. I, М., 1948, стр. 434.

¹⁷⁹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 230.

¹⁸⁰ Ibidem, p. 314.

Сен-Жюст в Конвенте, осуждая «дехристианизаторскую» деятельность Эбера и Шометта.

Проблема уничтожения неравенства и создания новых, республиканских учреждений занимает важное место во французской буржуазной революции. «Действительно большой вопрос, стоявший перед французской революцией, заключался в уничтожении неравенства и в создании учреждений, способных обеспечить французскому народу то счастливое существование, которое до сих пор никогда не бывало уделом масс. Если мы будем испытывать деятелей революции на этом оселке, то легко найдем им правильную оценку»¹⁸¹, — говорил, высказывая мысли, которыми он был, вероятно, обязан Ф. Энгельсу чартист Д. Гарни.

Речи и произведения Сен-Жюста доказывают, что он глубоко сознавал необходимость уничтожения неравенства и создания таких учреждений, которые обеспечили бы французскому народу счастье, но его мелко-буржуазная ограниченность, идеалистический подход к пониманию развития общества, господствовавший в буржуазном мировоззрении XVIII века, не позволили ему найти верное решение этих вопросов.

Вантозские декреты

Вскоре после возвращения из миссии в Северную армию, 19 февраля 1794 г. (1 вантоза II г.) Сен-Жюст избирается президентом Конвента, обязанности которого он выполнял по 6 марта 1794 г. (16 вантоза)¹⁸². Поскольку Конвент призывал к обязанностям президента последовательно наиболее выдающихся своих членов, избрание Сен-Жюста являлось признанием и высокой оценкой его деятельности в предшествовавший период.

На заседании Конвента 22 февраля депутаты Тайфер и Бреар сообщили, что во многих местностях Франции проникшие в состав революционных комитетов темные личности злоупотребляют вверенной им властью и часто подвергают аресту без всяких оснований честных патриотов. Конвент постановил предложить обоим правительственным Комитетам представить доклад о способах прекращения у подобных злоупотреблений. Составление этого доклада Комитеты поручили Сен-Жюсту.

26 февраля 1794 г. (8 вантоза II г.) Сен-Жюст выступил перед Конвентом с докладом «О лицах, заключенных под стражу», в котором он намечает ряд мер, необходимых для укрепления республики, сохранение которой он провозглаша-

¹⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 593.

¹⁸² А. Олар, Политическая история французской революции, М., 1938, стр. 393.

ет «первым законом из всех законов»¹⁸³. По его мнению, республику может укрепить «только полное уничтожение всего, что ей враждебно»¹⁸⁴. Он обосновывает и оправдывает меры революционного насилия, применяемые по отношению к врагам свободы, как весьма умеренные по сравнению с жестокостью монархических правительств по отношению к защитникам народных интересов. Он осуждает деятельность «снисходительных», т. е. дантонистов, настаивавших на прекращении революционного террора. «Люди, требующие освобождения аристократов, не хотят установления республики и дрожат за самих себя. Жалость по отношению к предателям — это явный признак измены»¹⁸⁵, утверждает Сен-Жюст. Он напоминает Конвенту, что снисходительность к врагам революции в первые ее годы содействовала развязыванию в стране гражданской войны, которая принесла французскому народу неисчислимые бедствия. Сен-Жюст не оставляет противникам якобинской диктатуры никаких надежд относительно возможности ее отказа от насильственных, непосредственно революционных, «плебейских» методов борьбы: «Пусть никто не обольщается надеждой основать крепкое государство без всяких трудностей,— говорил он,— нужно долго бороться против всяких притязаний, и так как интересы отдельных людей непримиримы, то свобода народа может быть основана только при помощи меча»¹⁸⁶. Сен-Жюст призывает укреплять народное революционное правосудие, считая его более опасным для врагов республики, чем террор. Он тем самым осуждает эбертистов, выступавших за еще более широкое применение террора против богатых, надеявшихся при его помощи осуществить все выдвигаемые ими политические и социально-экономические требования и добивавшихся коренной реформы системы революционного правосудия — отказа от постоянного и определенного состава революционного трибунала, упразднения обычного судопроизводства и замены его импровизированными народными судами. Сен-Жюст предупреждал об опасности чрезмерного усиления террора, не вызываемого необходимостью защиты республики. Для этого он считал необходимым укрепить административный аппарат, установив строгую ответственность должностных лиц перед народом.

Развивая социально-политические идеи якобинского эгалитаризма Сен-Жюст призывает Конвент обратить революцию на пользу ее защитникам-беднякам, передав им имущество врагов революции.

По докладу Сен-Жюста Конвент принял декрет, гласивший «1. Комитету общей безопасности дается право освободить заключенных патриотов. Всякий, кто потребует освобождения, должен представить сведения о своем поведении, начиная с 1 мая 1789 г.

2. Собственность патриотов священна и неприкосновенна. На имущество лиц, признанных врагами революции, накладывается секвестр в пользу республики, эти лица должны находиться под арестом впредь до заключения мира, когда они будут отправлены в вечное изгнание»¹⁸⁷.

3 марта 1794 г. (13 вантоза II г.) Сен-Жюст выступил на заседании Конвента с докладом «О способе осуществления декрета, направленного против врагов революции». Еще раз подчеркнув, что для укрепления революции необходимо срочно осуществить самые энергичные меры улучшения материального положения ее защитников, он указывает на международное значение декретированных радикальных мер. «Пусть знает Европа, что вы не допустите больше, чтобы на территории Франции были угнетенные и угнетатели. Пусть этот пример оплодотворит землю, пусть он распространяет повсюду любовь к добродетели и счастье! Счастье — это новая идея в Европе»¹⁸⁸.

Принятый по этому докладу Конвентом декрет обязывал все коммуны республики «произвести перепись всех неимущих (indigents) патриотов, указав их фамилии, возраст и профессию, а также число и возраст их детей» и направить списки в Комитет общественного спасения.

Комитет общественного спасения, получив эти списки, должен был доложить Конвенту о способах передачи беднякам (malheureux) имущества врагов революции, список которых ему представит Комитет общей безопасности.

Вслед за тем этот Комитет даст все необходимые точные указания наблюдательным комитетам республики, чтобы они в срок, который будет указан особо для каждого района, в зависимости от его отдаленности, представили ему список имен и сведения о поведении всех, кто был задержан, начиная с 1 мая 1789 г. Те же меры будут приняты по отношению ко всем, кто подвергнется аресту позже указанного срока»¹⁸⁹.

Это и были известные вантозские декреты.

История аграрных отношений накануне и в период революции убедительно показывает, что все помыслы неимущего

¹⁸⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 241.

¹⁸⁸ Ibidem, p. 248.

¹⁸⁹ Ibidem, p. 249. В тексте, опубликованном в „Moniteur“ (№ 164, 1. III, 1794), помещена еще четвертая статья: „Комитет общей безопасности должен добавить к настоящему декрету инструкцию, облегчающую его выполнение“.

¹⁸³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 233.

¹⁸⁴ Ibidem, p. 231.

¹⁸⁵ Ibidem, p. 232.

¹⁸⁶ Ibidem, p. 235.

крестьянства, стремившегося выбиться из нужды, были направлены на то, чтобы получить хоть немного земли. Но все аграрное законодательство революции принесло непосредственные выгоды прежде всего зажиточным элементам. Беднота не получила земель духовенства, немного досталось ей и земель эмигрантов, так как их приходилось, по-прежнему, покупать, хотя и на новых, гораздо более льготных условиях, введенных якобинской диктатурой. Что касается принятых ею ранее декретов о бесплатном наделении бедноты землей, то они фактически не осуществлялись. Поэтому вантозские декреты, дававшие возможность получить землю и другое имущество за счет врагов революции, вызывают у неимущих крестьян радужные надежды. Вопреки утверждению А. Собуля о том, что эти декреты «не произвели большого впечатления на санкюлотов»¹⁹⁰, они с большим сочувствием были встречены и городским плебейством, надевшимся тем самым поправить свое бедственное положение. Один из агентов доносил: «Во всех группах, во всех кафе только и говорят о декрете, предписывающем распределение имущества аристократов среди санкюлотов. Этот демократический закон *возбудил всеобщую радость, граждане поздравляют и обнимают друг друга*. «Вот,— говорил один, декрет, который значит больше, чем десять сражений, выигранных у неприятеля. Какую новую энергию он придаст солдатам свободы! Теперь они смогут сказать: у нас есть отечество и мы сражаемся за него»¹⁹¹. Другой агент сообщал: «санкюлоты теперь были уверены, что у них будет где преклонить голову»¹⁹². Депутация от секции Брута, выражая Конвенту благодарность за этот декрет, обещала поддерживать монтаньяров и высказывалась против призывов к восстанию «интриганов и ложных патриотов» «Санкюлоты вас поздравляют с декретом о заключенных, который вы издали... Это будет единственной мерой, которая сможет провозгласить, что царство равенства будет установлено окончательно»¹⁹³.

Всеобщее одобрение вызвали эти декреты и среди якобинцев и санкюлотов провинции. Клуб в Arinthod (Юра) в своем адресе Конвенту высказывал пожелание, чтобы бедняки, которые слишком долго были жертвами спекуляций богачей, увидели свою свободу укрепленной земельной собственностью и чтобы добрые граждане обогатились имуществом изменников¹⁹⁴. Клуб якобинцев в Тьере (Thiers, деп. Пюи-де-Дом) постановил, что «доклад Сен-Жюста и декрет 8 вантоза будут

¹⁹⁰ А. Собуль, Цит. соч., стр. 151.

¹⁹¹ С. А. Dauban, Paris en 1794 et en 1795, Paris, 1859, p. 151.

¹⁹² См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 28.

¹⁹³ „Moniteur“, № 171, II, III, 1794.

¹⁹⁴ См. А. Mathiez, Girondins et Montagnards, Paris, 1930, p. 123.

прочитаны в ближайшую декаду... и что будет принято обращение к Конвенту с целью выразить свое глубокое удовлетворение этим декретом»¹⁹⁵. 5 марта, в день получения текста декрета 8 вантоза наблюдательный Комитет Тьера по своей инициативе начал перепись подозрительных и их имущества¹⁹⁶. Изабо, посланный в миссию в Бордо, в донесении Конвенту сообщал, что декрет 8 вантоза с большим успехом был прочтен там публично¹⁹⁷. Народное общество Нанси в своем обращении просило Конвент ускорить суд над подозрительными и передачу их имущества санкюлотам. Аналогичные пожелания высказывались и в других местах¹⁹⁸.

Понятна та восторженная оценка декрета 8 вантоза, которую ему дал Шометт, говоривший, что «по превосходному и основательному докладу Сен-Жюста Национальный Конвент издал спасительный и один из самых демократических декретов, какие только существуют, декрет о наделении бедноты собственностью за счет конфискованных имуществ врагов революции»¹⁹⁹. Выступая в Якобинском клубе 26 февраля 1793 г. левый якобинец Колло д'Эрбуа положительно оценивал этот декрет и доклад Сен-Жюста и выражал свое горячее желание принять личное участие в широкой его пропаганде²⁰⁰. Подыгрываясь под настроение масс, издание этих декретов лицемерно приветствовали в Конвенте Дантон и в Якобинском клубе будущий термидорианец Тальен²⁰¹.

Беднота надеялась, что вантозские декреты положат начало радикальным преобразованиям, которые приведут к установлению социального равенства. В ряде мест уже в первые дни после опубликования декретов принимаются первые подготовительные меры для их осуществления. В то же время вантозские декреты вызывают настороженность и скрытое недовольство со стороны хищнических спекулятивных элементов городской и сельской буржуазии, усиленно обогащавшихся при помощи всевозможных незаконных махинаций и постоянно рисковавших поэтому оказаться в категории «подозрительных»²⁰². Состоятельная провинциальная городская буржуазия и сельская буржуазия — богатые фермеры также отнюдь не

¹⁹⁵ R. Schnerb, Le club des Jacobins de Thiers et l'application de lois de ventôse, „Annales historiques de la Révolution française“, 1929, p. 287.

¹⁹⁶ Ibidem, 1929. Декрет о составлении списков Комитетом общественного спасения был принят только 6 марта (16 вантоза) 1794 г.

¹⁹⁷ См. сообщение Тальена в Конвенте 24 вантоза („Moniteur“, № 176, 16. III 1794).

¹⁹⁸ А. Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 123.

¹⁹⁹ „Moniteur“, № 169, 9. III 1794.

²⁰⁰ А. Aulard, La Société des Jacobins, t. V, p. 664—666.

²⁰¹ Ibidem, t. VI, p. 5.

²⁰² Кроме того, они рассчитывали приобрести земли осужденных «врагов революции».

намерены были допустить переход земель «подозрительных» в руки бедноты, ибо, во-первых, они сами зарились на эти земли, а, во-вторых, превращение беднейших крестьян в самостоятельных мелких собственников привело бы к сокращению, а, следовательно, и вздорожанию наемной рабочей силы в деревне, а отчасти и в городах.

Стремясь запугать бедноту, противники вантозских декретов распространяли среди неимущего населения всевозможные слухи о том, что попавшие в списки «неимущих» будут выселены из Франции в ее колонии — на отдаленные острова и т. д.

В силу этих причин проведение в жизнь вантозских декретов натолкнулось на пассивное сопротивление буржуазии как в центре, так и на периферии.

Исследователи уже обращали внимание на юридическую нечеткость в определении категории бедняков, о наделении которых имуществом врагов революции шла речь в этих декретах. Действительно, здесь говорилось о переписи «неимущих патриотов» (*indigents*) и передаче имущества «беднякам» (*malheureux*). Эти же термины Сен-Жюст употребляет в своих докладах в Конвенте. В своих «Республиканских учреждениях» Сен-Жюст употребляет термин бедняки (*les pauvres*). Различна, но также нечетка терминология и в циркулярах Комитета общественного спасения. Однако, мнение²⁰³ о нарочито туманном (в тактических целях) характере определения термина «неимущие» (*indigents*) нам представляется неубедительным.

Употребление термина «неимущие» для характеристики бедноты, то есть социальных групп, противостоящих богачам, крупной буржуазии у Сен-Жюста, по нашему мнению, не является умышленно неопределенным. В период французской буржуазной революции конца XVIII века рабочие, ремесленная беднота и разоряющиеся и пролетаризирующиеся слои мелкой буржуазии не отличались резко по своему материальному положению. Условия жизни последних нередко были еще хуже положения наемных рабочих. Сен-Жюст неоднократно употребляет, как было отмечено выше, именно этот термин в предшествующий период своей деятельности, в частности, находясь в миссии в армии. Из средств, полученных в результате принудительного обложения богачей Страсбурга и Нанси, он выделяет крупные суммы для оказания помощи бедноте, употребляя именно этот термин — «неимущие патриоты» (*patriotes indigents*). Таким образом, умышленно неопределенного в этом термине ничего нет, хотя по своему характеру он довольно сложен и требовал уточнений. Вероятно, именно поэтому,

²⁰³ Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 62, А. Л. Нарочницкий, Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января по апрель 1794 г. «Ученые записки Московского гос. пединститута им В. И. Ленина», т. XXXVII, 1946, стр. 120.

например, директория департамента Пюи-де-Дом внесла в бланки списков неимущих специальное примечание, в котором призывала должностных лиц тщательно «взвесить» значение понятия «*patriotes indigents*», выяснить поведение этих граждан с самого начала революции. Вместе с тем здесь обращалось внимание на имущественную сторону дела: поскольку декрет 13 сентября 1793 г. о порядке приобретения имущества эмигрантов относил к категории «неимущих» тех, кто не имел никакой собственности и не был включен в списки налогоплательщиков, то в данном случае предлагалось учитывать, что, хотя некоторые неимущие граждане по характеру их ремесла могли быть внесены в эти списки, их все же, ввиду их бедности, следует теперь внести в списки для оказания помощи на основании вантозских декретов, если они являются при этом патриотами²⁰⁴.

Таким образом, вантозские декреты имели в виду в первую очередь улучшение положения тех групп бедноты, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть революции, как ее активные участники и защитники.

Проведение в жизнь вантозских декретов требовало большой подготовительной работы. Необходимо было рассмотреть не менее 90 тысяч дел находившихся в тюрьмах «подозрительных», попадавших в категорию «врагов революции», составить описи имущества осужденных врагов революции и списки «неимущих патриотов» по всей Франции. Отсутствие согласованности действий правительственных комитетов и департаментской администрации и прямой саботаж многих ее членов, подавляющее большинство которых принадлежало к буржуазии, очень замедлили осуществление всех этих мер. Противники вантозских декретов прилагали все усилия к тому, чтобы помешать проведению подготовительных работ к их осуществлению. Комитет общественного спасения предписывал муниципалитетам составлять списки в соответствии с декретом 13 вантоза; в то же время министр внутренних дел Паре, чья связь с Дантоном была общеизвестной, ведя переписку непосредственно с администрацией департаментов, минуя правительственные Комитеты, всячески стремился обеспечить раздачу десятиmillionного вспомоществования, вотированного Конвентом 1 февраля 1794 г. (13 плювиоза II г.) в пользу всех коммун республики²⁰⁵, что не может быть расценено иначе, как косвенная попытка затормозить подготовку осуществления вантозских декретов.

²⁰⁴ R. Schnerb, Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy-de-Dôme, «Annales historiques de la Révolution française», 1934, № 5, p.p. 419—420.

²⁰⁵ См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, стр. 63.

С целью ускорить осуществление этих подготовительных мер Комитет общественного спасения направляет в департаменты ряд специальных циркуляров, прибегает к помощи депутатов Конвентов в миссии. В циркуляре от 20 марта 1794 г. читаем: «Сильный удар был необходим, чтобы убить аристократию. Национальный Конвент ударил по ней. Несчастная беднота должна вернуться к собственности, которую преступление захватило у нее. Конвент провозгласил ее права... Комитет общественного спасения приглашает вас всеми имеющимися средствами, которые доверила вам национальная власть, ускорить работу муниципалитетов, наблюдательных комитетов, которым поручено составить списки, образцы которых прилагаются. Революция является делом рук народа, пришло время, чтобы он им воспользовался»²⁰⁶.

С целью «предупредить все трудности, устранить сомнения, освободить от препятствий, ускорить проведение революционных мер и определить точно действия» местных наблюдательных комитетов, 11 апреля (22 жерминаля) за подписью всех членов обоих Комитетов был послан циркуляр, в котором давались пространные указания по поводу выполнения всех подготовительных работ. В случае затруднений предлагалось обращаться за решением вопроса к собраниям сограждан, проявляя при этом величайшую бдительность²⁰⁷.

Сен-Жюст энергично настаивал на скорейшем проведении в жизнь вантозских декретов. В своей речи в Конвенте 13 марта 1794 г., имея в виду вантозские декреты, он обращал внимание депутатов на необходимость осуществления принимаемых решений, как на непереносимое условие достижения победы над врагами. «Следует признать одну истину: если мы довольствуемся простым изложением принципов и не проведем их в жизнь, как это с нами слишком часто случалось, мы не почерпнем в них силы для борьбы с врагами народа»²⁰⁸. По предложению Сен-Жюста, Конвент постановил: «Будет назначено шесть народных комиссий, которым надлежит в срочном порядке рассмотреть дела врагов революции, содержащихся в тюрьмах. Комитет общей безопасности и Комитет общественного спасения должны совместно обсудить вопрос об организации и составе комиссий»²⁰⁹.

В своей речи 15 апреля 1794 г. Сен-Жюст вновь настаивает на выполнении принятых декретов. Теперь Конвент по-

становил, чтобы народные комиссии были созданы к 4 мая (15 флореаля). Однако, вследствие указанных выше причин это дело затянулось. Только 13—14 мая 1794 г. (24 и 25 флореаля) были образованы две из шести «народных комиссий»²¹⁰, которые и приступили к рассмотрению поступивших в их распоряжение дел «подозрительных», которых, по сообщению Барера, к 11 мая 1794 г. Комитеты получили около 40 000. Для связи с администрацией департаментов Комитетом общественного спасения было создано «Бюро неимущих», следившее за составлением списков неимущих на местах.

Что касается остальных четырех «народных комиссий», то они так и не были созданы.

Саботируя осуществление вантозских декретов, «болото» Конвента и часть членов правительственных Комитетов стремились толковать их как акт благотворительности, осуществляемый не путем распределения среди «неимущих патриотов» имуществ «подозрительных» (в первую очередь, принадлежавших им земель), а путем роздачи им падавших в курсе ассигнатов, получаемых от продажи этих земель после их конфискации и присоединения к другим «национальным имуществам».

Для этой цели уже 16 вантоза противники Робеспьера справа — Мерлен де Тионвиль, Тюрио и Дюгем потребовали в Конвенте оказать неимущим немедленную помощь и принять срочные меры для искоренения нищенства. Было решено передать министерству внутренних дел 500 тысяч ливров «чтобы временно прийти на помощь убогим, несостоятельным и нетрудоспособным гражданам» и в самом ближайшем будущем заслушать доклад о мерах для уничтожения нищенства на всей территории республики.

Вот это действительно был контрманевр противников робеспьеристов справа, принявший реальные очертания в докладе по этому вопросу Барера, сделанном им 11 мая 1794 г. (22 флореаля II г.), в котором понятие о «неимущих» служило для определения только нетрудоспособных лиц, наделять которых землей было бы, конечно, бесцельно, а тем самым отвергался основной смысл вантозских декретов, ибо Барер отнюдь не имел в виду обеспечить неимущих непосредственно путем передачи им имуществ «подозрительных». И хотя декреты 8 и 13 вантоза не были отменены, они фактически подменялись теперь этим новым мероприятием.

Вместо составления списков «неимущих патриотов», как это предписывал декрет 13 вантоза, теперь на местах во многих случаях занялись составлением списков для внесения в

²⁰⁶ A. Aulard, Recueil des actes du Comité de salut public... t. XII, p. 73.

²⁰⁷ R. Schnerb, Les lois de ventôse... „Annales historiques de la Révolution française“, 1934, № 5, p. 408. Шнерб предполагает, что текст циркуляра принадлежит Сен-Жюсту. Документ у Олара и Велле отсутствует.

²⁰⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 212.

²⁰⁹ Ibidem, p. 278.

²¹⁰ Recueil des actes du Comité de salut public, t. XIII, p.p. 484, 513.

«Книгу национальной благотворительности», куда включали преимущественно стариков, калек, сирот и т. д., как нуждающихся в помощи в первую очередь. При этом сама работа по составлению списков надолго утонула в волоките на местах.

Как свидетельствует сохранившийся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подлинник извещения посланного администрацией дистрикта Ду-Марат гражданке Мари Елизавете Шателеп, занесенной в «Книгу национальной благотворительности» для получения выделенной ей помощи, первая выдача пособия согласно закону 22 флореаля состоялась в этом дистрикте только 20 фримера III года (10 декабря 1794 г.²¹¹) из сумм, направленных национальным казначейством. Из этого документа мы узнаем, что последнее предоставило в распоряжение властей дистрикта сумму в 9830 ливров для распределения среди земледельцев, ремесленников, матерей и вдов, обремененных детьми, и пожилых вдов или нетрудоспособных, которые записаны в «Книге национальной благотворительности». То, что данное лицо действительно находится в состоянии нужды (*état d'indigence*) в каждом отдельном случае должен был подтвердить национальный агент коммуны²¹².

Подчеркивая бесплодность принятых буржуазией мер, направленных на искоренение пауперизма, К. Маркс, имея в виду декрет 22 флореаля, писал: «Каков был результат постановления Конвента?— Результат был тот, что на свете стало одним постановлением больше и что спустя один только год после этого Конвент был осажден изголодавшимися женщинами»²¹³.

Поглощенный руководящим участием в организации разгрома войск монархической коалиции, в укреплении государственного аппарата и разрешении других важнейших вопросов, Сен-Жюст в то же время не упускал из виду и вантозские декреты. Он стремился преодолеть саботаж имущих слоев буржуазии и администрации и добиться их осуществления.

19 июня (1 мессидора) 1794 г. Комитет общественного спасения специальным циркуляром за подписью Сен-Жюста уведомлял национальных агентов дистриктов о том, что «декрет 22 флореаля и все позднейшие законы об общественной помощи и искоренении нищенства отнюдь не освобождают муниципалитеты от представления списков неимущих своих коммун в

²¹¹ См. *L'administration du district de Doubs—Marat, ci—devant Saint-Hypolite à la citoyenne Marie Elisabeth Chatelain*. Архив ИМЛ., ф. 320, оп. 2, л. 1.

²¹² Там же.

²¹³ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 439. Имеются в виду восстания парижского плебса в жерминале и прериае 1795 г.

соответствии с декретом 13 вантоза»*. Несмотря на это, подготовка к проведению в жизнь декретов осуществлялась крайне медленно.

К рассмотрению результатов работ обеих комиссий Комитеты приступили только в начале термидора, и только 22 июля, то есть за пять дней до контрреволюционного переворота 9 термидора, они решили назначить остальные четыре народные комиссии, как это предусматривал декрет 23 вантоза. Все же в некоторых департаментах была проделана значительная подготовительная работа для осуществления вантозских декретов. Это можно сказать, например, о департаменте Па-де-Кале, где комиссаром Конвента был в то время робеспьерист Ле-Бон, в департаментах Пюи-де-Дом, Кот д'Ор и в ряде других был осуществлен секвестр имущества подозреваемых, хотя эта мера и не была одобрена Комитетом общественного спасения. Как сообщал в своем докладе Удо 11 брюмера III г. секвестр был осуществлен в 30 департаментах; в 12 из них он был подтвержден представителями народа, т. е. находившимися там в миссиях депутатами Конвента.

Но вантозские декреты так и остались неосуществленными.

***

Итак, рассмотрение эволюции политических и социальных взглядов и характера практической деятельности Сен-Жюста в годы революции, особенностей его общественного идеала, обрисованного в «Республиканских установлениях», и его роли в создании проекта вантозских декретов и мерах их осуществления приводит нас к следующим выводам.

Существующие в историографии вопросы разногласия в понимании происхождения, цели и объективного значения этих декретов, фактически отражают гораздо более широкие расхождения в понимании характера самой якобинской диктатуры и роли в ней мелкой буржуазии.

Единственно плодотворным путем изучения закономерностей классовой борьбы, приведшей к возникновению этих декретов, является показанный К. Марксом и Ф. Энгельсом и наиболее полно разработанный в трудах В. И. Ленина подход к якобинской диктатуре, как к диктатуре всех низших классов, в которой революционная мелкая буржуазия, осуществляя политическое руководство диктатурой, в то же время в своей социальной политике, начиная от введения всеобщего максимума и революционного террора в сентябре 1793 г. и вплоть до издания вантозских декретов в конце февраля и начале марта 1794 г., находилась под давлением плебейских масс города и

* Циркуляр был отправлен за подписью Сен-Жюста, хотя тот в это время находился в миссии в Северной армии. См. R. Scherb, *Les lois de ventôse...* «Annales historiques de la Révolution Française», 1934, № 5., p. 415.

деревни, властно определявшем направленность, курс этой политики.

Поэтому непосредственные истоки, корни вантозских декретов надо видеть не в отвлеченных эгалитарных воззрениях якобинцев, сложившихся под влиянием философов XVIII в., в частности, Ж. Ж. Руссо, а прежде всего в радикальных уравнивательных требованиях городских плебейских масс периода революции и в результатах непосредственного контакта представителей руководящего ядра якобинцев с этими массами в ходе их практической деятельности.

Например, Сен-Жюст в первые годы революции относился явно отрицательно к мысли о возможности перенесения во Францию уравнивательных тенденций законодательства древней Спарты и пришел к противоположным выводам (хотя и далеким от идей последовательного эгалитаризма) лишь на основании личного опыта периода революции, отразившего, естественно, более широкий опыт социальной борьбы этих лет, в особенности между трудящимися бедняками и тунеядцами богачами. Видимо эту особенность развития своих взглядов Сен-Жюст сознавал и сам. В его записной книжке читаем: «Человек научается чему-либо только на собственном опыте».

Таким образом, произведение Руссо помогли Сен-Жюсту в осознании содержания уроков этого опыта и в его попытках в своих «Республиканских установлениях» обобщить его при характеристике идеального общественного и государственного устройства.

На такого рода истоки вантозских декретов указывают такие факты, как выдвижение главой первых идеологов плебса Жаком Ру и левыми якобинцами Эбером и Шометтом еще зимой 1793 г. требования конфискации у богачей награбленных ими богатств, выразившее умонастроения широких масс бедноты, равно как и содержание деятельности Сен-Жюста и других комиссаров Конвента в провинции осенью 1793 г. (после плебейского «натиска» 4—5 сентября), где они широко практикуют самочинное обложение буржуазии налогом для оказания помощи «неимущим патриотам» и удовлетворения потребностей армии.

После опубликования А. Собулем наиболее полной из дошедших до нас рукописи деловой переписки Сен-Жюста периода его пребывания в Рейнской армии, особенно широко открывается значение этого периода как своего рода практической лаборатории, школы социально-политического опыта, в которой формировались идеи вантозских декретов. Именно здесь окончательно складывается понимание Сен-Жюстом цели революции как освобождения «неимущих патриотов» от гнета нужды, и признание им правомерности разрешения этой задачи за счет богатств буржуазии и врагов революции.

Этот вывод и обусловленные им практические действия Сен-Жюста периода миссии в Рейнскую армию и показывают превращение его в подлинного «якобинца с народом», в представителя социальных интересов и требований городской и сельской бедноты, в которой В. И. Ленин видел самый революционный класс XVIII века²¹⁴.

Факты не только полностью подтверждают вывод А. Собуля о том, что именно в деятельности Сен-Жюста этого периода в Страсбурге его «концепция санкюлотской демократии» проявилась с гораздо большей силой, нежели в его деятельности в Конвенте и его Комитете общественного спасения, но дают основание видеть в социальных и политических мероприятиях, осуществленных Сен-Жюстом и Леба, одно из ярких проявлений особенностей якобинской диктатуры как диктатуры общественных низов.

Таким образом, подлинные корни вантозских декретов залегают весьма глубоко, именно в этих особенностях якобинской диктатуры, в направленности ее *социальной политики*, обусловленной плебейским натиском 4—5 сентября 1793 г. и его последствиями.

Поэтому нам представляется необоснованным стремление А. Собуля умалить *программно*, то есть прежде всего социальное содержание и значение вантозских декретов, утверждая, что «цель этих мероприятий по существу была политической»²¹⁵. Но, видя эту цель в стремлении революционного правительства заручиться поддержкой санкюлотов для закрепления победы революции, а в вантозских декретах средство достижения этой цели, А. Собуль по существу сам признает их социальную природу, хотя и толкует ее очень ограниченно. Эта недооценка важнейшего *социального* аспекта тенденции, заложенной в этом акте якобинской диктатуры (отрицание за врагами революции права владеть собственностью в республике), в котором прежде всего он и был воспринят революционной мелкобуржуазной демократией и санкюлотами, и привела А. Собуля к явному умалению эффекта, произведенного опубликованием этих законов весной 1791 г.

Возможно, что эта точка зрения А. Собуля вызвана стремлением преодолеть иную, противоположную крайность в оценке этих законов, присущую работам Ж. Жореса и А. Матьеза, видевшего в них «программу новой революции».

Рассматривая вантозские декреты как буржуазно-ограниченную попытку осуществления робеспьеристами уравнивательных требований плебейства, как одну из линий социальной политики, обусловленную особенностями мировоззрения вождей

²¹⁴ В. И. Ленин, О врагах народа Соч., т. 25, стр. 41.

²¹⁵ А. Собуль, Великая буржуазная революция 1789—1791 годов, М., 1960, стр. 150.

якобинской диктатуры, сложившимися под воздействием социальных требований плебейства, и под его давлением, т. е. как акт, органически вытекающий из классовых отношений весны 1794 г., мы, таким образом, отказываемся видеть вместе с Ж. Лефевром²¹⁶ и многими примкнувшими к этой точке зрения историками, в том числе и некоторыми советскими историками в том, что вантозские декреты (а вместе с этим и возлагавшиеся на них беднотой упования) не осуществились — доказательство того, что они представляли собой «чисто политический маневр» робеспьеристов в их борьбе против эбертистов и дантонистов.

Отказываясь видеть политический аспект этих декретов в том, что они представляли собой *лишь* тактический прием робеспьеристов в этой борьбе, а связывая эти декреты в первую очередь с их стратегическими целями, мы тем самым не отрицаем того обстоятельства, что выбор момента для внесения Сен-Жюстом проекта этих декретов был, несомненно, связан с обострением борьбы робеспьеристов против эбертистов. И так как одним из требований последних была конфискация имущества врагов революции и распределение его между нуждающимися патриотами, то беря на себя инициативу в осуществлении этого требования и нанося вслед за этим удар самим эбертистам, робеспьеристы повторяли прием, примененный ими в отношении «бешеных».

Как показывают некоторые рассмотренные в статье материалы, издание этих декретов явилось одной из причин изоляции эбертистов, что и облегчило их разгром. Однако это служебное, подчиненное в данном случае назначение вантозских декретов никоим образом не должно заслонять перед нами ни глубоких корней этой меры в развитии классовой борьбы 1792—1793 гг., ни серьезности намерения робеспьеристов осуществить эти декреты.

В связи с этим мы отказываемся видеть в применении Сен-Жюстом в его докладе, в тексте декретов понятия о «неимущих» и «несчастных» хотя бы малейший оттенок *сознательно* допущенной неопределенности, расплывчатости формулировки²¹⁷.

Нечеткость этого определения отражает хорошо известную пестроту, неоднородность, словом известную *неопределенность* состава городской и сельской бедноты конца XVIII в., что и отразилось в недостаточной определенности понятий, служивших для обозначения этих слоев населения. Если же видеть в при-

менении Сен-Жюстом этих понятий весной 1794 г. в связи с вантозскими декретами определенный умысел, то спрашивается — почему же мы находим эти самые понятия в его приказах периода миссии в Рейнскую армию осени 1793 г.? Допустим, что существование этого умысла весной 1794 г. было связано с чисто тактическим характером этих декретов, в серьезность осуществления которых Сен-Жюст не верил и поэтому был заинтересован в максимальной неопределенности всех их основных формулировок. Но ведь никто не усумнится в серьезности стремления Сен-Жюста, как комиссара Рейнской армии, находившейся в момент его прибытия в Страсбург в весьма критическом, опасном положении, путем обложения богачей налогом укрепить ее ближайшие социальные тылы, т. е. облегчить материальное положение городской бедноты? Почему же он в соответствующих приказах, где речь идет о распределении среди нее части этих сумм, не находит иного ее определения, как «неимущие патриоты»? Думается, что уже одно это обстоятельство говорит против приведенного выше допущения. Против него говорит и настойчивость Сен-Жюста в осуществлении вантозских декретов, в их защите от маневра будущих термидорианцев, выступивших в лице Барера с контр-проектом о создании «Книги национальной благотворительности».

Расплывчатость в определении «адресата» вантозских декретов, равно как и показанное Ж. Лефевром отсутствие в их тексте определенного, четкого указания на *бесплатный* раздел среди бедноты имущества подозрительных в натуре (т. е. прежде всего их земель), а не денежных сумм, вырученных от его распродажи после включения в фонд национальных имуществ, говорит не о сознательном умысле робеспьеристов, в цели которых в данном случае входило привлечь к себе бедноту, а о том, что противоречивая сущность якобинской буржуазии лишала ее возможности вести цельную социальную политику и найти в составе далекой от однородности «бедноты», как адресата этих законов, ту социальную силу, на которую робеспьеристы могли бы опереться при осуществлении этих декретов.

Указывая на эту слабость якобинцев, В. И. Ленин писал, что «французский Конвент размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры»²¹⁸.

В данном случае силой, на которую робеспьеристы могли опереться, чтобы сломить сопротивление осуществлению вантозских декретов «сверху донизу», т. е. начиная от правых группировок в самом Конвенте, за которыми уже склонна была

²¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 182—183.

²¹⁶ См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, стр. 61.

²¹⁷ Ж. Лефевр говорит, что Сен-Жюст, применяя эти далекие от четкости понятия «подготовил возможность» «обходного движения», заключавшегося в их толковании, как обозначающих стариков, сирот и инвалидов, чем и воспользовался затем Барер (см. Ж. Лефевр, назв. соч., стр. 62).

повернуть и значительная часть его «болота», и кончая буржуазной по своему составу местной администрацией, были несомненно, предпролетарские элементы сельской бедноты. Но именно это и было недоступно для робеспьеристов. Глубокая противоречивость их социальной природы обуславливала и противоречивость социальной политики руководимой ими диктатуры. Оказавшись после плебейского натиска 4—5 сентября 1793 г. под определяющим воздействием конкретных социальных требований плебейских масс, восприняв до известной степени их понимание целей революции, робеспьеристский «центр» якобинцев, несмотря на явно положительные результаты осуществления этих требований для судеб революции, все же не мог не рассматривать эту плебейскую линию социальной политики, заводившую революцию дальше требований буржуазии, направлявших ее против требований солидной и умеренной буржуазии лишь как временную.

Вот почему, во-первых, параллельно и одновременно с осуществлением плебейской линии в социальной политике якобинской диктатуры продолжала существовать и линия защиты собственников, предпринимателей от требований рабочих.

Известно, что принимая закон о всеобщем максимуме, Конвент распространил его и на заработную плату. Но «может быть, нигде мелкобуржуазная природа революционного правительства не сказывалась с такой очевидностью, как в позиции, занятой им в борьбе между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями»²¹⁹. При этом, если соответствующие меры центральной и местных властей широко практиковались уже осенью 1793 г., то они сделались особенно активными, можно сказать, наступательными именно весной 1794 г., то есть непосредственно после принятия вантозских декретов²²⁰. Это связано с тем, что вследствие упрочения внутреннего и внешнего, военного положения якобинской республики и улучшения внутренней экономической конъюнктуры (благоприятные виды на урожай) робеспьеристы сочли время широкого осуществления плебейской линии социальной политики в определенном смысле исчерпанным и приступили к повороту в сторону смягчения режима всеобщего максимума, поощрения внутренней и внешней торговли и т. д.²²¹ 29 марта была упразднена революционная армия — это орудие экономического террора по отношению к сельской буржуазии.

Оставаясь субъективно верными плебейской линии в своем проекте вантозских декретов, поскольку мечта бедноты о земле совпадала с их эгалитаристскими аграрными воззрениями, ро-

беспьеристы, естественно, не могли рассчитывать на то, что эти проекты удержат на их стороне сельскую бедноту, коль скоро основное острие всей политики якобинской диктатуры на селе оказалось после издания этих законов направленным *против* интересов и требований плебейских элементов, этой бедноты (если не считать, конечно, мер государственной благотворительности, осуществлявшихся по инициативе скрытых противников вантозских декретов в самом Конвенте и его правительственных Комитетах).

Что касается объективного значения вантозских декретов, то, подчеркивая их органическую внутреннюю связь со всей предшествующей историей якобинской диктатуры, с развитием двух тенденций, противоборствовавших в ее внутренней политике — плебейской и буржуазной, подчеркивая значение социальных мотивов издания этих законов, — мы в то же время решительно отвергаем идеализацию их Матьезом, как начала некой «новой революции».

Свойственная работам этого исследователя идеализация вантозских декретов имеет глубокие социально-психологические корни, ибо она является ярким проявлением идеализации возглавлявшихся Робеспьером революционеров мелкой буржуазии, идеологом потомков которой был в конечном счете Альбер Матьез. Отражением стремлений этих социальных слоев к самоутверждению в особенно трудных для них условиях эпохи империализма и была попытка Матьеза приписать мелкой буржуазии во главе с якобинцами роль особой классовой силы в эпоху буржуазной революции XVIII в.

Мы же видим в анализе соответствующих фактов подтверждение сделанных классиками марксизма-ленинизма прямо противоположных выводов о том, что все попытки мелкой буржуазии «...осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»²²², — писал В. И. Ленин.

Экономические условия жизни мелкой буржуазии таковы, что объединиться, сама себя проявить она не может и поэтому все ее «...попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом»²²³. Мелкие собственники «...своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию»²²⁴.

Вантозские декреты были попыткой робеспьеристов наметить и осуществить свою политику в разрешении проблемы нищеты, бедности. Но эта проблема неразрешима с позиций сохранения частной собственности, ибо, как показал В. И. Ленин,

²¹⁹ Н. М. Лукин, Избр. труды, т. 1, М., 1960, стр. 292

²²⁰ См. там же, стр. 293—306

²²¹ См. об этом А. Матьез, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, стр. 419—458.

²²² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 254.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же, стр. 257.

попытка достигнуть этой цели путем постепенного *уравнения* размеров собственности — это утопия мелкого буржуа. «Не может быть уравнительного *пользования* землей, пока есть на свете власть денег, власть капитала. Никакие законы в мире не в силах будут уничтожить неравенство и эксплуатацию, пока остается хозяйство на рынок, пока держится власть денег и сила капитала»²²⁵.

Робеспьеристы же, как известно, надеясь путем вантозских декретов превратить «неимущих патриотов» в мелких земельных собственников, непосредственно вслед за изданием этих декретов взяли в то же время курс именно на поощрение развития «хозяйства на рынок», т. е. пошли «назад» от режима всеобщего максимума.

Мелкобуржуазный характер их эгалитаристской утопии, полагаем, не требует доказательств, а следовательно, отпадают какие-либо основания говорить о «социалистических» тенденциях в вантозских декретах.

Ибо, как показало уже движение Бабефа и «Равных», подлинная суть плебейского понимания равенства в отличие от мелкобуржуазного, чисто эгалитаристского заключалась в требовании превращения земли и других средств производства в общественную собственность («общность имуществ и труда»).

В то же время В. И. Ленин подчеркивал, что будучи утопией в смысле мечты о действительном равенстве, стремление крестьянства к уравнительному разделу земли «не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова»²²⁶.

Таким образом, сам по себе план вантозских декретов, при всей его расплывчатости, свидетельствовал о стремлении робеспьеристов к дальнейшему углублению буржуазной революции, к ее дальнейшему развитию по восходящей линии. Среди множества причин, сделавших это невозможным, существенную роль играла отмеченная выше глубокая противоречивость социальной природы якобинцев и социальной политики руководимой ими диктатуры.

Таковы некоторые основные выводы из изучения эволюции взглядов и деятельности Сен-Жюста и его роли в создании проекта и подготовке осуществления вантозских декретов. Выводы эти, как мы видим, тесно связаны с общим пониманием особенностей якобинской диктатуры, как диктатуры низших классов, общественных низов, с присущими ей сильными и слабыми сторонами и не разрешимыми в условиях XVIII в. внутренними противоречиями.

²²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 10., стр. 403.

²²⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 418.